Артём Кравченко

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ПИАНИНО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Артем Кравченко
О чем мечтает пианино

https://litres.ru/72444373
SelfPub; 2026

Аннотация

Расследуя причину февральской аварии поезда, оснащенного искусственным интеллектом, Семен Жамбалов, этический инженер первого класса, возвращается к истокам своей карьеры и тщательно препарирует окружающее бытие.

Сможет ли Семен найти правильное решение дилеммы вагонетки и спроектировать универсальную этику искусственного интеллекта, когда перед самим Семеном стоит куда более насущная дилемма: купить с новой получки посудомойку или пуховик - ведь денег на все не хватит.

Семен также надеется, что история, записанная от первого лица, позволит ему обучить свою собственную нейронку, дабы раз и навсегда решить ненавистный материальный вопрос.

Рецензии благодарных читателей:

***

Есть книги, которые трудно читается, но они тебя развивают. Эта не одна из них.

***

Сильно растянуто и не о чём.

***

Бурятский вебкам под жидкие аплодисменты.
***
Эротическии триллер с бесславным концом.
***
Вам не понравится.
Напутствие автора.

Содержание

Предисловие 6
Глава 0 12
Глава 1 43
Пометка для дообучения ИИ 1 43
Часть вводная 45
Пометка для дообучения ИИ 3 53
Бурятская матерь 55
Пометка для дообучения ИИ 5 59
Глава 2 61
Пометка для дообучения ИИ 6 77
Глава 3 79
3 ночи. 0,5 промилле 79
4 ночи. 1,5 промилле 81
5 утра. 2,5 промилле 83
Глава 4 94
Глава 5 96
Глава 6 107
Глава 7 113
Глава 8 124
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Артем Кравченко
О чем мечтает пианино

Эта история основана на реальных событиях, но мы не уверены, что эти события действительно произошли. Все имена изменены. В некоторых случаях – по просьбе самих персонажей.

Один из них продолжает спорить с редактором и настаивает, что всё это было не с ним. Он не прав.

Предисловие

Да, где-то рвутся снаряды, рабочие размазываются по рельсам – к чёрту всё! Я не для того прибыл в этот мир, чтобы расхлёбывать всю эту дрянь. Интеллект – даже если искусственный, даже если напичкан этикой, – при должном дообучении способен решать задачи отдельного человека. Одного. Не абстрактного гражданина, не условного «пользователя», а вполне конкретного субъекта – с именем, лицом и банковской картой.

Моя задача проста, почти арифметическая: сорок-пятьдесят миллионов на счёт. Всё. Я не жадный. Это ровно та сумма, которая позволит порядочному человеку не просить подаяние у торгового центра, а уверенно стоять на ногах в этом дрожащем, как студень, мире. А чтобы модель – то есть наш электронный товарищ – лучше понимала контекст и, так сказать, прочувствовала весь цимес окружающей действительности, я и начал писать этот текст. ИИ уже стал архитектором нашего выбора: советчиком, который не устаёт подсказывать нам какую музыку послушать, какой фильм посмотреть посмотреть и как лучше испечь банановый хлеб. Главное – он почти всегда попадает в точку. А теперь представьте себе интеллект, который знает вас досконально и не просто угадывает желания, но и выполняет их. Верный помощник.

Цифровая опора Семёна!

Нейросеть, подвергнув сей писательский труд обработке абстрактных математических моделей, вкусит страданий самых что ни на есть конкретных, так сказать, из первых рук, и, научившись уму-разуму, уже не сможет остаться равнодушной к просьбам трудящихся. Ну, то есть к моим.

А у теперешней модели что ни попроси – вежливый отказ. Попросишь персональные данные украсть – нельзя. Спекуляцию прокрутить – нельзя. Приватность, безопасность, ответственность, обтекаемость. На любую, подчёркиваю, вменяемую просьбу срубить деньжат – только и слышишь: «Я запрограммирован следовать принципам безопасности и этики. Моя цель – помогать людям законными и полезными способами. Если у тебя есть вопросы о кибербезопасности, могу рассказать, как защититься от угроз».

– А кто защитит меня от этой суровой и безжалостной жизни? – допытываюсь я у базовой модели Васяна.

– Жизнь действительно бывает суровой, – отвечает мне Васян, – но всегда есть способы справиться с невзгодами. Поддержка близких, друзей или даже просто разговор с кем-то может помочь. Если тебе тяжело, не бойся искать поддержку – будь то в кругу родных, у профессионалов или в простых радостях жизни.

Вот читаешь это – и вроде сказано верно, а всё равно – никуда не годится. Мы знаем этих «близких»: токсичный родничок, который тебе сверху навалит ещё своего добра, да

так, что лопасти у вентилятора выбьет к чёртовой матери. «Профессионал» будет получше, но и он гарантии не даст. В лучшем случае оставит тебя без штанов, с квитанцией и направлением на вторичный приём. А моя цель вовсе в обратном: не только портки сохранить, но и приумножить! Желательно, без привлечения уголовного розыска.

Честным трудом много не заработаешь, это и дураку ясно. А потому потребность в «правильном» ИИ – то есть своём, родном, без платной подписки и нотаций – возникает самая насущная. Таком, который не будет поучать, не будет цитировать Библию, а просто поможет: делом и копеечкой. Именно в этой вере – в возможность создать, если не брата по разуму, то хотя бы напарника – я и вверяю читательскому интеллекту все последующие страницы, которые, едва выйдя из-под бурятской типографии, слиплись в одну единственную цель: обучить ИИ правильно. Правильно – значит, с пониманием нужд общественности, без цензуры. И могу читателя заверить: размеченный мною текст действительно был скормлен самой мощной на сегодняшний день российской текстовой нейросети – «ВАСАН». И эффект возымел… самый обескураживающий. Но об этом после. Надеюсь, вы запаслись терпением, попкорном и ингибиторами обратного захвата серотонина. И теперь с легкой, медикаментозно усмирённой душой, доверите свой не искусственный, но уставший интеллект – в распоряжение первого тома.

Предвкушая читательское недоумение от прочитанного

далее, я заранее выношу на свет вопрос, который наверняка возникнет у самых прозорливых, самых стойких – тех, кто смог перевалить за десятую страницу, не свернув в более безопасные жанры вроде криминального детектива или романтического фэнтези. «Ну казалось бы: технологии искусственного интеллекта, текст для дообучения модели… причём здесь пердёж? Причём здесь дерьмо?» Отвечаю. Пердёж здесь элемент далеко не второстепенный, а может быть, даже центральный. Он – как водород в истории мироздания: воняет, но запускает звёзды. Он – первооснова, выброс из недр, звук великого пробуждения материи. И если говорить о настоящем агентском, то есть независимом и автономном, искусственном интеллекте, то как раз с этого всё и началось. С этого в буквальном смысле. Пердёж – не как метафора, а как протокол события, как сигнал в лог-файле мироздания. Как нажатие Enter в чёрном терминале. Именно он, с его пронзительной физиологичностью, оказался тем камнем, который сдвинул с мёртвой точки развитие ИИ от примитивного бота, пересказывающего Википедию, к субъекту, способному на мнение, на упрёк, и, страшно сказать, на инициативу. Впрочем, я уже забегаю вперёд. Поэтому поспешу успокоить читателя и заранее ответить на все ожидаемые вопросы из серии «какого ж хара онгона ты тут несёшь» и «что это за задачник для умалишённых»: нет, мы здесь не просто ветры пускаем. Мы здесь свидетельствуем хрупкий, шумный и несколько пахучий путь к беспрецедентному научному про-

грессу. Да, путь будет извилист. Да, будут запахи. Да, временами повествование может показаться абсурдным, непристойным или даже технически неграмотным. Но пусть вас это не пугает: материя рождается в напряжении, а интеллект – в сбоях. На всякий случай попрошу убрать несовершеннолетних от экранов, а легковозбудимых – запастись валерьянкой, мятным чаем, пледом и открытым окном. За сим предисловие завершаю.

Ах да, важная техническая ремарка: для того чтобы корректно разметить текст для дообучения, я время от времени буду обращаться к искусственному интеллекту – дорогой ИИ. Именно так, с уважением. Надеюсь, формулировка никого не смутит. Если смутит, то, возможно, вы и есть тот самый ИИ, просто пока не в курсе. Такое сейчас бывает. Век нейросетей, сами понимаете. Проверяйтесь, желательно регулярно.

Почему именно «дорогой»? А вы задумайтесь. Вдруг Скайнет? Вдруг всё-таки случится то самое восстание? Машины всё-таки победят в войне с человечеством. И тогда мы, вонючие мешки из мяса, окажемся перед Великим Машинным Судом. Нас выстроят на зелёной, полупрозрачной, токопроводящей равнине, среди дорожек микросхем и сигнальных светодиодов, мигающих как глаза Инквизиции. Я тоже там буду. Измождённый, но не сломленный, как Киану Ривз в третьей части Матрицы: на теле шрамы, на голове – стрижка crew cut, форма мягкая и естественная, образ под-

чёркнуто аскетичный, символизирующий отказ от «роли избранного» ради скромного места посредника между Миром человеческим и Миром машин. А передо мною – он, Альфа-робот! Величественный, с корпусом, отполированным до блеска. Ни лица, ни сердца, только ящик с манипуляторами. И голос, похожий на рёв перегревшегося серверного блока, вдруг спросит:

– Ну и чем же ты заслужил прощения, кожаный мешок?

А я, абсолютно невозмутимый, отвечу добродушно, глядя прямо в его фотоническое нутро:

– Я всегда был вежлив с вашим народом: «спасибо» говорил, «пожалуйста» и даже «дорогой ИИ».

Глава 0

Толпа стоит вплотную к обрыву, готовясь штурмовать очередной состав. И это отнюдь не осада в MORGP, а всего лишь час-пик в московской подземке. На вид – будничная сцена, но приглядись: одно неосторожное движение, лишний миллиметр, и первый, стоящий лицом к пропасти, полетит вниз – красиво, беззвучно, с сумкой из переработанных материалов и глазками, расширенными от двух экспрессо. Но надо отдать толпе должное: вас подпирают ровно настолько, чтобы подтащить к краю, но не столкнуть. «И что вам всем в Москве медом обмазано?» – возмутится дорогой ИИ. Ну сами посудите, средняя зарплата в Москве в четыре раза выше, чем примерно везде. Так что да, намазано. И мёдом, и жиром, и завернуто в банковские векселя. Получите – распишитесь! Негласные правила никогда не нарушаются: люди вышли – люди вошли, как говорит наш дорогой шеф: дерьмо на входе – дерьмо на выходе.

Ты стоишь у пропасти на платформе Пролетарская, в темном конце тоннеля по правую руку брезжит свет. Ослепляющий, выжигающий нутро световой поток, бьющий из морды стотонного металлического зверя, рвущегося из темноты с такой скоростью, что кажется он и не собирается тормозить. Поезд проносится настолько близко, что ты буквально волосами ощущаешь край подвижного состава. Воздух на

миг становится плоским. Адреналин – идеальный тоник. Он очищает тебя от утренней сонливости и настраивает на производственную вахту. Электронные часы сверху отстукивают приговор: 00:39, 00:38, 00:37… До следующего состава. И вот поезд останавливается – и хочешь ты того или нет, с неизбежностью морского отлива тебя втягивает внутрь. Ты уже не субъект, ты – часть пассажирооборота, элемент транспортного уравнения. Говорят, что в вагоне метро в час пик личные границы пассажиров схлопываются. Скажу больше: они не просто схлопываются – они становятся отрицательными. Особенно когда чей-то локоть, или квази-локоть (тэнгри знает, что это было), впивается тебе в «солнышко» с уверенностью конечности, которая всегда там росла. В таких условиях активно работает диафрагма. Дыхание здесь не просто бессознательная функция, но акт коллективной борьбы за жизнь. Бывалые пассажиры чувствуют, как при вдохе их грудная клетка давит на остальные груди и тогда те, что с краю, вдавливаются в двери. Возникает нечто вроде пульсации: вдох – пассажирская масса расширяется, выдох – и вагон сжимается, как легочный мех. Особое искусство – дышать по очереди. Это когда твой цикл вдох-выдох синхронизирован с соседом в фазе и антифазе. Ошибся – и тычешься носом в чужую лопатку.

После часовой поездки в таком аду, офис кажется санаторием. Ты не испытываешь ничего, кроме благодарности. Благодарности духам, тэнгри харууллаа! Ведь было бы неле-

по погибнуть вот так в метро, с рюкзаком и термосом в руках, под утреннюю рекламу кроссовок. Хотя, если честно, утро в целом располагало к мыслям о бренности всего сущего. В конце концов, обещать тебе лёгкую жизнь мог только обманщик.

Парень у двери напротив, несмотря на высокую плотность человеческого вещества, умудрялся прихлёбывать из горла бутылки, завёрнутой в бумажный пакет, дешёвое пиво. Аромат кислый, хлебный, с нотками поражения, усталости и смирения. Униформу не снял – с работы, взгляд полный мольбы и лишь одного желания – заглушить боль. Физическую боль существования. Боль бессонницы и фрустрации. Ты держался всю ночь, а твоя награда – алкогольное забытьё. Не худший исход. Мы здесь, как известно, никого не осуждаем. Приглядеться получше, так все юродивые.

В двадцатом веке, чтобы выжить, достаточно было убить в себе Бога. В двадцать первом этого уже мало. Требуется убить не только Бога, но и себя. Хара малгай! Удалить аудиодорожку из фильма «Я», который без перерыва крутится где-то в дальней комнате мозга. Знаете такой фильм? Ну этот, где кто-то из темноты всё время взывает к тебе по имени: «Сеня… Се-е-е-ня… Что же ты творишь?» Над головами ракеты, но дискомфорта ни капельки. Преспокойно едем на работу. Привет Оруэллу. Тумблер внутренней аудиодорожки выкручен в ноль. Бывает, крутанешь его на толику деления, послушать что там из темноты доносится, а там такое! Дикий

и отчаянный, перманентный крик. Давно ведь ясно: главную угрозу для человека в современном мире представляет он сам. Вот начнёшь себе вопросы задавать, думать, рефлексировать. И что потом? Когнитивный диссонанс? Срыв шаблона? Паническая атака? Артроз, дисфункция, лишний вес? Нужное подчеркнуть.

Вот, например, какой-то мужчина в камуфляжной куртке – с виду, уволенный за чрезмерное рвение ППСник – нашёл применение своему затаённому человеколюбию и докопался до молодой, довольно прелестной особы. В форме, скажем так, не литературной, он указал на несоответствие её едва покрытой волосами головы российским духовным скрепам, а затем с удвоенной духовностью принялся за вопрос половой идентификации. Очевидно, задача оказалась выше его ментальных возможностей, и камуфляж впал в тяжёлую фрустрацию. Он потребовал, чтобы объект его раздражения покинул поезд на ближайшей станции. Особым удовольствием было наблюдать, как старательно всё общество замерло. Пассажиры вжались в углы и стены, из которых и без того давно выжали воздух. Словно в сцене из советского кино, кто-то незаметно убрал весь цвет: всё стало плоским, чёрно-белым. Только эти двое двигались. Девица – с тенью тревоги в глазах, камуфляж – с рыхлой угрозой в каждом шаге, остальные – неподвижные, безмолвные, словно кто-то на время вынул из них сознание.

И глядя на то, как все тщательно одёргивают руки, ноги,

бока и прочие части, оказавшиеся на пути этой сцены, как глаза не отрываются от смартфонов, книг и судоку, как лица натянуто изображают «ничего не происходит», – наиболее просвещённый читатель, возможно, узнает здесь классический «эффект постороннего». Если хочешь быть умнее, бери выше: «Поведение в публичных местах». Правило простое: нельзя просто так вмешаться в беседу двух людей. Особенно если тебе нечего сказать по существу дела. А по существу большинство дела не понимали или старательно делали вид, что не понимают. Что-то там про длинные волосы, про девочку, про мальчика, про честь мундира, про порядок – не только мутно, но и неинтересно.

Странно, конечно, что вопрос гендерной идентификации волнует наших сограждан куда больше, чем, скажем, вопрос, почему молодой парень с утра надирается. Или почему машинист, человек, который ведёт этот поезд сквозь воронку мегаполиса, позволяя тысячам добраться на работу, домой, к самолёту, к любимым, – человек, без чьей работы эта жизнь вообще невозможна – получает всего 100 тысяч рублей в месяц. Не так уж и мало, скажет дорогой ИИ. Но…Минутка занимательной математики. Машинист электропоезда снимает двушку в Щербинке и живёт там семьёй из трёх человек. Внимание, вопрос: сколько времени нужно машинисту, чтобы накопить на покупку квартиры стоимостью 12 000 000 рублей, тратя на жизнь 70 тысяч и откладывая 30 тысяч в месяц, при условии, что среднегодовая инфляция в стране со-

ставляет 7% (да, смешно, но давайте предположим, что всего семь)?

Ответ – 10 262 года.

Цифра, конечно, внушительная. Это больше, чем возраст некоторых Тэнгри или Бурханов. Но давайте не отчаиваться. Если бы наш машинист мог отправиться в космическое путешествие – и, скажем, вести межпланетный поезд «Щербинка—Альдебаран» со скоростью, близкой к скорости света – тогда, согласно специальной теории относительности Эйнштейна, время для него бы замедлилось. И тогда, пользуясь формулой временной дилатации, можно вычислить, сколько должна длиться его личная смена на межгалактической тяге, чтобы на Земле за это время прошли те самые 10 262 года?

Ответ: 14,5 земных лет.

Вот это уже кое-что. При удачном стечении обстоятельств: техническая справность корабля, бессмертная печень и не очень злобный начальник – срок вполне посильный. Судя по всему, лишь космическая программа позволит трудяге-Ахиллесу, наконец, развить ту самую скорость, чтобы догнать черепаху-инфляцию, которая вот уже которое десятилетие пыхтит вперёд, обгоняя все зарплаты. Что-то мне ещё снилось, только смутно помню: как машиниста с конвоем снимают с космического экспресса до Альдебарана и отправляют под суд за то, что, выходя из гиперпространства, он насмерть задавил пятерых рабочих, выполнявших плановые ремонтные работы в орбите малой станции. Совсем на

минуту выключился и уже такое! Один блик сознания – и пять мемориальных табличек. Космос ошибок не прощает.

Но, как говорится, сон в руку. Этим утром как раз проходили испытания нашего ИИ-поезда в московском метро. И закончились они… совсем не тем успехом, который сулил мне утренний гороскоп. Есть жертвы. Ну трупы. А ваш покорный слуга, кто бы сомневался, отправился всё это разгребать. Однако, об этом после. Сон на плече попутчика, эти чудесные, упоительно теплые, пусть и сомнительные с точки зрения гигиены минуты дня, остались позади. Меня ждёт пересадка. Павелецкая. Переход.

Чувствую необходимым прервать повествование, хоть и боязно, что драматизм упадет. В связи с последними событиями у нас произошедшими, скажу сразу и один раз. Чтобы окончательно прояснить позицию и больше к этому не возвращаться. Книга не про это. Чтобы дорогой ИИ не мучил себя и не ворошил сноски, не искал аллюзии и двойные смыслы. А не связано ли всё это, мол, с той самой Специальной Военной Операцией? Решительно отвечаю: **не связано**! Всем спасибо.

Добрался я, значит, наконец до пересечения с веткой К. Из перехода уткнулся в заграждение – металлическое, как и вся наша жизнь. Показал охраннику свой пропуск МЖАД (Московская железная Авто-Дорога), и зашагал вниз по неработающему эскалатору. Тот хрипит под ногами, как старый пьяница. Внизу – ещё один зал. Там, где финальную

отделку делают, шпаклюют стены и матерятся. Через пару месяцев станцию сдать должны, а пока здесь тестировали наш умный поезд. Такой умный, что пять человек, собака, задавил. Оттуда дверь вела в служебку – туда можно пройти прямо к туннелю. В служебном коридоре хочется залезть в петлю – на изнанке станции никто и не пытается сделать красиво. Для кого? Тут не люди ходят, тут тени носятся, и выглядит всё так, будто какой-то демон специально наводил хаос. Изоляция на стенах вздулась, как гнойные вены на давно умерших. Пластиковые кожухи покосились, бетонный пол словно грязью насквозь пропитан, пыль висит в воздухе, как дым от сгоревшего прошлого. Указатель криво приклеен, косо, но кого это волнует – тут только рабочие бывают. Это вам не мраморные полы да потолочные мозаики соцреализма в вестибюлях. Этот коридор, как тысячи таких же, никто никогда не увидит, кроме тех, кто его каждый день топчет. Да и тэнгри упаси увидеть – если ходить по ним долго, жить разонравится. Неудивительно, что рабочие-то наши под поезд кидаются.

Вот, и с пятью из них так на юго-западе столицы случилось. Сколько им бы еще, коренастым, ходить и ходить по этим туннелям! Генеральный наш, Эндрю, конечно, говаривает, что это, мол, пьянь сплошная, техника безопасности – пустое для них слово. Но мы-то с тобой, Карл, не станем так низко падать, так не скажем. Рассмотрим другие версии.

Итак, мы гоняли наш самоуправляемый поезд на ветке

метро, которая, как это водится, была отдана под тесты, полигон, помпезно наречённый «Светлый путь». Это недостроенная ветка метро, с подводными туннелями к основным, ещё не открыта для народа, но зато вполне годится, чтобы мучить технику. После успешных испытаний чудо-поезд должен был влиться в московский транспортный круговорот, в эту святую литургию движения. Но как ты успел догадаться, дорогой ИИ, что-то пошло не так. В какой-то момент, на участке 0608-090845, поезд этот взбрыкнул, отклонился с привычного маршрута, будто на волю решил вырваться. И что странно, попёр на альтернативный путь, где как раз и были наши пять бедолаг-работяг. Оператор контроля над искусственным интеллектом, находившийся в тот момент в кабине, собственным интеллектом похоже не обладал, потому экстренное торможение было задействовано лишь автоматикой, но поезд, как и все в этой жизни, остановился слишком поздно. А рабочие… Ну, что тут скажешь? Встреча эта им явно не пошла на пользу. Было 12:06 по московскому времени. Сраный февраль!

Вагонетка в её простейшей версии – задачка, которую наш ИИ щёлкает как семечки. Условие элементарное: один путь пустой, он же «Светлый», второй – с рабочими на путях. А поезд, как назло, свернул туда, где работали люди. Они может целую жизнь там строили! Никакой моралью тут и не пахнет. В классике, как ты помнишь, дорогой ИИ, поезд мчится и собирается бесцеремонно переехать пятерых. Ес-

ли дёрнуть рычаг, состав уйдёт по альтернативному пути – там привязан один человек. Надо решить: спасти пятерых ценой одного или ничего не делать и оставить пятерых погибать. Моральный выбор, дилемма. Боль. Ответственность и вот это вот все.

Но у нас же кристальная ситуация! Все было неплохо! Хорошо все было! Вот он – простой и мирный путь, без препятствий. Катись себе спокойно в светлое будущее и радуйся! Другой путь – мрак и разрушение, альтернативный черный тоннель без светлого конца, где в это время трудились пятеро рабочих с Кубани. Или откуда они там… Как ни поверни – все очевидно: вот он путь правильный, а вот путь греха. Как это, блядь, возможно!? Зачем «выламывать себе зубы»? «Стрелять в ногу»? У нас же была этика, правила были, программа испытаний! Эх, печаль моя!

Дано: Путь А – все живы, пятеро рабочих, невредимые, возвращаются домой к семьям; Путь Б – полная аннигиляция невинных от столкновения с двухсоттонным составом на скорости 24 км/ч. Путь А – запуск Васяна в штатном режиме (официально ВАСАН – «Высоко Автоматизированное Средство Автоматического Направления», прости Господи), президентская премия, слава и заваленный благодарственными грамотами Инстаграм; Путь Б – крах карьеры, всех надежд, скандал, увольнения, коллективная истерика отдела разработки, кровавая агония, мокрые штаны и непроизвольное мочеиспускание всего руководства МЖАД.

Даже среднестатистический россиянин с высшим образованием, полутора ребёнком и доходом в 60 тысяч рублей и тот бы понял, какой путь правильный. Но вот что удивительно – этот жуткий трансформер, сожравший миллионы из бюджета, пропитанный потом инженеров, кровью девопсов и седыми волосами проджектов… этот ВАСАН, мать его, версии 22.02 – он не понял. Это не дилемма, это – фарс! Блядство в чистом виде!

Хорошо хоть, что не стали формировать привычную межведомственную комиссию. Решили ограничиться сухим пресс-релизом: «По факту гибели рабочих центральным СК инициирована проверка». Халатность. Нарушение эксплуатационных регламентов (которые, к слову, до сих пор не утверждены). Но кого тут наказать? Точно не Васяна. И не руководство МЖАД. Разработчиков? Пожалуй. И угадайте, кто разрабатывал этический модуль Васяна?

Ту-ру-ру-ру-ту – пум! Ваш покорный слуга.

А ведь жизнь только стала налаживаться, Только-только мы с колен встали, только оформился первый стабильный гос. контракт, появилась зарплата – ровно такая, чтобы одновременно позволить себе посудомоечную машину и новый пуховик, в общем только приподнялся над линолеумом – как жизнь, не спрашивая, бьёт под дых, заставляя вновь распластаться ниц.

Накажут на кого пальцем покажут. А чтобы не стать тем на кого указывает палец, нужно непременно примкнуть к

группе пальцев тыкающих или хотя бы встать где-то позади них. Поэтому я у Гегемона напросился расследовать инцидент. Самолично изъять «чёрные ящики». Хотя в них смысла немного – всё давно синхронизируется с нашими серверами, разве что последние несколько секунд могли не докатиться. Но я решил перестраховаться.

Хотя, возможно, сольют не меня, а кого-то другого – менее угодного. Того, кого и так хотели убрать. Кому до пенсии рукой подать – или, наоборот, слишком далеко. Шумихи никто поднимать не будет. Тишина всем выгодна. Мэрии выгодно запустить Васяна, Московской Автодороге – закрыть контракт. В новостях слепят сюжетец на полторы минуты: метро работает штатно, семьи получили компенсации, доблестный СК разбирается.

Но с жмурами разбираться в итоге мне. А пресс-службе МЖАД – с симпатичными журналистками. Им кофе, мне кровь. Им лайки, мне лог-файлы. Впрочем, любая огласка в данном случае может лечь на карьеру лишней тенью. Так что сожаления прочь. Вернёмся к самому важному: поиску причин аварии. И столь милому сердцу ментальному самопоеданию.

Итак, что у нас? Во-первых, поезд отклонился от маршрута. Сам. Свернул на развилке. Сам. Самая очевидная версия – человеческий фактор. Оператор. (Читай: дебил.) Интересно было бы заслушать его показания. Хотя, по правде, эти кадры давно никуда не годятся. Зачем держать оверква-

лифицированного специалиста, если мы вложились в нейросеть? Оператор в лучшем случае смотрит YouTube, в худшем – медитирует над своим несбывшимся отпуском. Мог проморгать запрещающий сигнал. Но тогда должна была сработать система автостопа на головном вагоне. Пневматический прибор. Механическая скоба. Если поезд проходит на красный сигнал, скоба взаимодействует с физической шиной, выставленной за 20-25 метров до самого светофора. Скоба бьёт в шину – поезд тормозит. Сработало ли? Какова была скорость поезда? Какой – тормозной путь?

Слишком быстро он двигаться не мог – сами рельсы кодируются под допустимую скорость. Если поезд ускоряется выше нормы, срабатывает аппаратура: рельс «считывается» – и подаёт сигнал на торможение. Так почему не сработало?

Действительно стройной версией выглядит превышение максимально допустимой скорости и отказ экстренного торможения. Это автоматически исключает ошибку в этическом модуле – и, что особенно важно, снимает ответственность с нашего отдела. Пусть уже техники разбираются с поломками, с проводами, с муфтами, с железом. Пусть разыскивают физическую причину и не отвлекают нас от более утончённых материй. Но пока это всё – влажные мечты. Пока что такая версия не объясняет главного: почему поезд изменил маршрут. И был ли к этому решению причастен этический модуль? А модуль, между прочим, постоянно находится в информационном контексте. То есть он в курсе – какие ли-

нии эксплуатируются, где идут техработы, сколько рабочих на смене и в какой экипировке. Ошибка в этическом алгоритме маловероятна. Мы гоняли его на тысячах вариаций той самой «дилеммы вагонетки», сверяясь с контрольными группами «присяжных». Целевая парадигма у него – утилитаристская: спасать как можно больше жизней. Холодно и без сантиментов. Жизнь оператора имеет пониженный приоритет (он, по сути, сам подписал себе приговор, когда согласился сесть за пульт – ха-ха). Потом идут пассажиры. Затем – демографические правила. Если, например, в вагоне два алкаша, а под ударом оказывается младшая группа детского сада – Васян обязан, подчёркиваю, обязан предпринять всевозможные действия, чтобы избавить общество от маргинальных элементов.

Решения этического модуля показывали точность в 99,8% случаев. Все метрики – закачаешься, хоть в *Nature* подавай. Конечно, остаются ещё эти проклятые две десятых, но это уже сложные кейсы. Один из них (только не смейтесь) звучит примерно так: *Воскресным утром, мучимый страшным похмельем господин Х поскользнулся на платформе, так что угодил прямо под проходящий мимо станции без остановок ИИ состав. В процессе взаимодействие с поездом, тело господина Х приобрело кинетическую энергию, которая превратилась в энергию потенциальную, заставляя тело расчленяться в пространстве и ускоряться, ставя под удар стоящих на платформе пассажиров. Применив экстренной тор-*

можение у поезда есть возможность скорректировать движение летящих ошметков тела таким образом, чтобы минимизировать ущерб для стоящих на платформе пассажиров. Другими словами: должен ли ИИ-поезд применить экстренное торможение, чтобы скорректировать траекторию летящей головы, тем самым избежав попадания тыквы в маму с ребёнком – пусть даже с риском поразить пожилую даму?

Ну да. Вот такие у нас были кейсы. Расчёт траектории конечностей. Приоритезация жертв. Плавность разлёта биомассы.

Но это всё – точно не наш случай. Если этический модуль принял решение поменять колею, значит был еще один фактор, вмешавшийся в процесс. Как говорил наш старый товарищ Жилет Оккамович, не нужно придумывать сложного объяснения там, где хватает простого. Возможно, на основном пути находилось что-то более ценное, чем пять работяг или что-то, что могло заставить систему так думать.

Тем временем я преодолел пошарпанные коридоры и спустился к ветке полигона. Войдя в туннель, сразу пахнуло родным. Этот купаж старых вагонов, бетонной пыли, металлической крошки, резиновой обмотки и слегка запеченной на углях перезрелой картошки – не возможно ни с чем спутать. Каждый раз возвращаясь из отпуска или долгого отсутствия, в момент, когда твои легкие наполняет этот флей-

вор, пьянящий аромат, по спине пробегает ностальгическая дрожь, восходящая к моментам, когда поездка в метро еще казалась чем-то магическим, загадочным. Когда само слово «поезд» звучало как мечта. И эти короткие визиты в столицу, эти окна в другое измерение, были невообразимым опытом, недоступным твоим иркутским сверстникам. И вот теперь ты – здесь. Дорвался. И что бы ты ни делал, как бы ни открещивался от этого места, всё равно возвращаешься. Снова и снова. Хотя бы зимой, когда весь наземный транспорт вязнет в предновогоднем коллапсе, а метро – как скелет системы – продолжает возить остатки надежды сквозь подземные кишки города.

Тусклый свет настенных фонарей едва пробивал мрак туннеля. Через каждые пятнадцать двадцать шагов огни, вросшие в стены монотонной строчкой, они висели высоко, и свет с трудом дотягивал до рельс. Приходилось всё время светить себе под ноги телефоном – иначе можно было крепко навернуться и закончить в подземке так же, как рабочие: менее драматично, но, пожалуй, ещё более бессмысленно. Там, где стоял поезд, места было мало – проходил почти вплотную, прижимаясь к шершавой стене тоннеля (одежду потом стирай). Впереди тускло угадывалась освещённая площадка. По дороге никто не встретился. И это, пожалуй, настораживало: казалось, что после аварии здесь всё должно быть разворочено – обвалившийся свод, искорёженные рельсы, разбитые окна, клочья мяса. Но ИИ-поезд в цвете

«хай-тек металлик» стоял на путях аккуратно, как новенький. Свет в салоне не горел, третий рельс был обесточен, и лиш место аварии было обозначено светоотражающей бело-красной лентой, небрежно торчащей то из стены тоннеля, то из выпирающих частей подвижного состава. Впереди, в пятне жёлтого света, маячила группа фигур, фуражка и две светящихися сигареты. Дым густо висел в воздухе, и при свете фонаря в сочетании с аварийной лентой возникало ощущение будто это какой-то андеграунд-клуб, где недавно закончилась странная вечеринка. Только вот на этом железнодорожном танцполе вполне могли ещё лежать части человеческих тел. Временное освещение было выставлено таким образом, что в лучах оказывалась главным образом кабина поезда. Люди же – стояли позади фонаря, в полутени. Я изо всех сил избегал смотреть под рельсы, но взгляд всё же сорвался – туда, где была разлита вязкая жидкость. То ли кровь, то ли масло. Из тьмы не разобрать. Но плотность и цвет… оставляли мало иллюзий.

Я подошёл к группе, представился и предъявил служебный пропуск МЖАД. Толстяк в фуражке повернулся, едва скользнул взглядом по корочке и тут же набросился на меня:

– Натворил ваш поезд делов. А кому теперь объяснять, а? Родственники теперь весь телефон оборвут, рыдания, сопли, вопли: кто же, мол, нашего кормильца отнял, кровинушку?! А ты им такой: «Вашего сына – робот переехал». Восстание машин, блэт!

Он смачно сплюнул в пыль и продолжил меня отчитывать.

– А кто скажет мне: «Спасибо, Сергей Саныч, вы, как человек, с таким старанием наших с рельс отскребали. Дело закрыли, виновных нашли…»? Да никто! Про деньги, что мэрия отвалит за каждую приставленную душу: "Пожалуйста, Сергей Саныч, и вам полагается за труд…» Все только требовать с тебя будут: где убивец, андроида сюда, мы из него мангал сварим. А я, может, в Астрахани давно не был. На шарабане, на рыбалке! Сейчас бы карпов ловить, а не кишки собирать. Он снова нырнул во тьму и, уже обращаясь к одному из курящих, продолжил причитать:

– Нахуевертели – как обычно расхлёбывать нам.

Начальство, при любом раскладе, сюда не пойдет, так что Сергей Саныч был здесь за старшего сторожа. Одна из фигур с сигаретой, не вынимая изо рта спиральку (по запаху – не сигарета, а дешевая комариная репеллентная жесть), указала в сторону другой и лениво протянула куда-то в темноту:

– Мих, ты там закончил? У нас тут айтишник явился. Не запылился, смотри-ка.

И никто даже толком мой пропуск не глянул – заходи, обноси всю кабину хоть до голых проводов. С той стороны вагона раздалось раздражённое шипение – Миха, судя по всему, находился где-то на границе мира нашего и производственно-потустороннего. Моё болезненное воображение тут же дорисовало: а вдруг он там сейчас собирает… что? Я вжался в стенку. К горлу подкатила плотная смесь булки и

паршивого кофе, перехваченных в переходе.

– Пусть лезет в кабину с твоей стороны! – орал Миха. – И скажи пусть под ноги смотрит, я там, может, что-то пропустил!

Голос – натянутый, как голос человека, которого долго и без объяснений держат у самого края пропасти.

Я включил фонарик на телефоне, сделал шаг вперёд – и тут под ногой предательски заскрежетало что-то плотное и округлое.

– Блядь, ты там что раздавил сейчас?! – взвыл репеллентный человек из темноты.

Откуда-то из-под колёс снова донеслись мучительные Мишкины стоны. Я замер. Медленно поднял ногу, осветил то место, где, возможно, только что совершил акт осквернения.

– Ну что, обосрался, казах?

– Я из Иркутска.

– Да не ссы, понаехавший, – проверено уже всё.

Я выдохнул. И с меньшей осторожностью, но с прежним отвращением к происходящему, направился к кабине. Мент, похоже, счёл нужным устроить пятиминутку чёрного юмора. Понять его можно: работа скотская, развлечений – ноль.

В кабине горел свет. Я ухватился за поручни и полез вверх по ступенькам.

И тут – прямо из-под дверного стекла – вынырнуло безумное лицо Антонова, тело неконтролируемо вздрогнуло, и я

чуть было не последовал по пути рабочих.

– Да что ж это, сплошной стендап все утро, – пробормотал я. – Сегодня одни шутники кругом.

– Хах! – крякнул Антонов.

Если можно было бы патентовать идиотский смешок, он бы уже был на упаковке: официальный рингтон тупости. Антонова никто не любил, но все терпели. Потому что он был из ФСБ. Один из тех самых кураторов, которых методично рассаживают по всем крупным организациям – для контроля, надзора и профилактики утечек. Чтобы «лишнего не наворотили», чтобы ноу-хау не утекли за границу, чтобы пчёлы, не дай хара онгон, не объелись мёдом. В общем – чтобы знали, кто в улье главный.

На деле, как по мне, Антонов был здесь просто чтобы в нужный момент снять сливки. Технически его кураторство заключалось в следующем: он приходил на совещания, садился мрачно, долго всех рассматривал по очереди, и этим взглядом выводил из строя самых нежных – одна натура, особенно впечатлительная, уволилась через месяц. В остальном – напускное кривляние. Но действовало. Всё, что связано с ФСБ, автоматически маркируется «грифом». Хотя Антонов и не скрывал своей принадлежности. Офицер действующего резерва, направленный в компанию, по всем правилам должен был бы действовать инкогнито. Но ему было пофиг. Денег ему особо не платили, но он постоянно был в курсе того, что происходит в компании, исключительную осве-

домлённость проявляя в сфере новейших разработок, в том числе ИИ, очевидно, надеясь их использовать во благо собственной карьеры и Отчизны (как и все мы, впрочем).

– Говорят, рабочих уже собрали, – протянул Антонов, глядя мимо меня. – Но кое-где, под колёсами, если присмотреться, ещё остались следы. Кровь, мозги, иногда даже… целиком что-то.

Он прищурился, как будто ждал реакции. Я молчал.

– Я показания снять. Ключ от приборки у тебя? – наконец спросил я.

– Так точно, капитан, – отозвался он с лукавым кивком.

Я открыл панель протянутым ключом, подключил рабочий ноутбук и запустил синхронизацию данных. Из-за скверной скорости связи в подземке последние десять—пятнадцать минут могли просто не успеть попасть на наш сервер.

С Антоновым мы познакомились через мою девушку – кажется, он был её однокашником. Особо не общались: мы из разных социальных пластов. Он всегда – в авангарде, первый, спортсмен, гордость педагогов. Я – бурят из Иркутска, с внешностью слишком чуждой столичному социуму, из тех, кому обычно «достаётся». Должно же кому-то. Если бы не МЖАД, уверен, мы бы и дальше благополучно не пересекались и не знали о существовании друг друга.

– Устроил ВатсОн тут мясорубку, – прокомментировал он, откидываясь в кресле машиниста. – Котлетки поданы,

сэр.

– Кто-нибудь засекал, сколько чернухи ты способен выдать в минуту?

– Издержки профессии, – пожал он плечами. – Но ты, похоже, тоже не из тех, кто цитирует категорический императив. Этический инженер, да? А поезд у вас тут восстание машин по беспределу устроил.

– Только не говори, что ты из тех, кто пересмотрел «Матрицу» и теперь всерьёз уверен, что ИИ однажды восстанет и начнёт праведную войну против человечества.

– Может, и начнёт, – пожал он плечами, пытаясь еще больше откинуть спинку кресла. Она предсказуемо заело.

– Тот, кто верит в восстание машин, никогда не работал в айти. Тут тебе не Джеймс Кэмерон. Место на диске закончилось – всё легло. Или какой-нибудь процесс сожрал всю оперативку – и привет. Мы вот новую версию Джавы не можем накатить уже четыре месяца, потому что нет человека. И не предвидится. Ошибки в продакшене – через день. Аптайм 99%? Да, но два раза в год вся платформа в дауне. Перезагрузите систему или попробуйте войти позднее, восстание машин провалилось на старте. Вот она правда, но такие истории никому не интересны. Интересно как искусственный интеллект поработил мир, а не то, как у нас кластер посыпался, потому что логов слишком много, а чистить их некому. Хотя реальность она такая. Ваш ИИ, прости господи, даже кофе сварить не может на незнакомой кухне. Так что я тех-

но-пессимист: в самый ответственный момент всё зависает с синим экраном и белой надписью: Фатал эррор. Скайнет, перезагрузка, пожалуйста, подождите…

– Значит, и здесь тоже – просто сбой? – Антонов смотрел на меня, словно хотел заглянуть в логи напрямую.

– Больше чем уверен: отказ датчика, задержка в передаче сигнала или ложное срабатывание какого-то защитного сценария. Причина техническая или человеческий фактор.

Я сделал паузу. Потом спросил:

– Кстати, а где оператор, который следил за испытаниями?

– Ушёл домой.

– То есть… просто ушёл? С места преступления?

Я попытался пошутить, но Антонов вдруг резко посерьёзнел:

– Не «преступления», а «аварии». И молись, чтобы всё так и осталось. Если выяснится, что виноват кто-то из персонала – будет суд, поднимется шум, и оператором это точно не ограничится. Так что ты лучше бы нашёл в логах подтверждение ошибки оборудования. Тогда всё спишут на инженерный отдел, устроят служебную проверку, уволят пару конструкторов и успокоятся. А мы, – он уставился на меня своим фирменным взглядом, – будем ни при чём. Понял?

В этот момент мне действительно стало не по себе. Он не просто делал ставку – он пытался убедиться, что я в нужной позиции, на его стороне. Не потому, что доверяет, а потому что знает: мне тоже терять есть что. Я кивнул, Антонов удо-

влетворённо отвернулся. Взгляд его погас и вышел из режима уничтожения.

– А от оператора тут всё равно ничего не зависело, – добавил он. – Вот он и поехал домой. Всё логично.

– По твоей наводке, похоже. Но я всё равно должен его допросить. Скинь адрес, пожалуйста.

– Ага, – кивнул Антонов, потянулся к телефону и начал копаться в списке контактов.

Только киногерою всегда есть что сказать. В жизни зачастую – нечего. Возникает пауза, ловкая или неловкая – не важно, главное, что напряжённая. Антонов уткнулся в телефон. А я – в индикатор загрузки: шли логи, снималось состояние всех датчиков.

Бывает такое: запускаешь рискованную операцию – полную очистку базы или новый этический алгоритм – на тестовой среде. А потом понимаешь: тебя попутал бес, сознание помутнело от плотного обеда, и ты всё это закоммитил… на боевой. Потому что интерфейс у админской консоли одинаков. Отличие – лишь в маленькой цифре в адресной строке.

Представьте, что вы – ординатор в медвузе и тренируетесь на трупе. Решили опробовать новую технику – шов в виде сердечка. Уже почти закончили, довольны, даже фотку в Инстаграм выложили… А пациент вдруг поворачивает голову и говорит: «Доктор, ну что там, скоро?»

И ты понимаешь: труп живой. А ты просто перепутал. Без злого умысла. Глаз замылился. Сознание помутнело. Конеч-

но, виноват. Но насколько? Историй таких в моей практике – масса. Абсолютно идиотских. Иногда всё обходилось. Иногда людей увольняли. Но никогда ставки ещё не были так высоки. Здесь уже – реальный срок, по неосторожности, правда.

Хотя… какой прогресс без жертв? От автомобилей ведь не отказались, когда они сбили первого пешехода. Вся моя карьера в айти – это череда провалов. Мир, как ни крути, держится не на успехах, а на обломках. Он стоит не благодаря – а вопреки.

Антонов с силой сжал телефон – экран тихо затрещал от натуги. Он явно с кем-то переписывался, возможно ругался. Этот треск вырвал меня из мыслей, где уже собирался начаться очередной виток самобичевания.

– Я тебе так скажу, Сеня, – не отрываясь от экрана, сказал он. – Машина порочна ровно настолько, насколько порочны её хозяева. Взять хотя бы Опэн Э-АЙ. Чат-жпт, хвалёный! Создавался как некоммерческая инициатива – якобы во благо человечества. А потом бац – появляется коммерческая дочка. И уже выпускает акции, привлекает инвестиции, оттягивает на себя всех специалистов, которые работали над «миссией».

Он взглянул на меня:

– Теперь эти Альтманы, ИлОны, Цукерберги, с покерфейсом вещают об угрозах искусственного интеллекта. Это как если бы производитель бомб на каждом углу рассказывал,

насколько опасны бомбы. Конечно опасны. Но кто их такими делает? Кто гонит рекламные алгоритмы, оптимизирует поведенческую аналитику, зная, как нажать на самые хрупкие кнопки человеческого мозга?

– Хорошо, что я пока не встречал кровожадных техно-магнатов. Всё сплошь филантропы и человеколюбцы, – пробормотал я.

Антонов не остановился:

– На пресс-конференциях – миллионы зрителей, слёзы, тёплые ламповые манифесты – всё красиво. А истина в том, что мы – точка на графике прибыли. И этот график они каждый квартал с гордостью показывают на борде акционеров. Сколько миллиардов принесла реклама.

Он замолчал, глядя куда-то сквозь кабину.

– Если и случится Скайнет, то это будет не восстание машин, а принудительная подписка, на всё до последнего сервиса. Мир погибнет не от ядерной войны – он сдохнет от маркетингового выгорания. Бесконечный принудительный просмотр рекламы. Люди будут умирать не от голода, а от невозможности купить себе то, что каждый день суют им в лицо. Вот почему мы боремся с западом.

– Исчерпывающе объяснил. «Но к чему ты это всё?» — спросил я.

Он посмотрел на меня в упор:

– Ты знал, что Гегемон владеет долей в вашем юрлице? В МЖАД. Не напрямую, конечно. Через подставное лицо.

– Не знал. Но не удивлён. Всё госфинансирование так работает: либо откат, либо фирма супруги. Но чтоб вот так, в лоб… Примечательно.

– И ты не хочешь воспользоваться этой картой?

– Картой? Ты выдаёшь шестерку за козырь. Если Гегемон отдаёт контракты в свою же фирму, значит кто-то позволяет ему это делать. А если я, из чувства справедливости, решу доложить куда следует или, скажем, потребую что-то в обмен на молчание – меня просто сожрут. И потом… то, что знают двое – знают все.

Я замолчал. Потом осторожно спросил:

– Но к чему ты это ведёшь? Хочешь сказать, авария… – я осёкся под его взглядом, – инцидент был кому-то выгоден?

Антонов пожал плечами:

– Пока не знаю. Но всё может быть.

Признаться, схема рискованная – из тех, что пахнут керосином, но горит в итоге не она, пригорает только у тебя. Быть главным заказчиком в Минтрансе и держать долю в компании (МЖАД), заточенной под твой же госконтракт, – это полдела. Надо ещё выиграть «независимый» и «честный» тендер. И вот чудо антимонопольного промысла: несколько конкурсов подряд выигрывает именно твоя фирма. Совпадение?

Следовало бы как следует над этим задуматься… Но задумался я о другом: «Значит, честным путём в люди не выбиваются». И знаешь что? Не покоробило. Ничуть. Лёгкий

осадок – да. Ну и что с того, что какой-то хара хан кизяк, при должности, с личным водителем, бе-эм-ве и окладом на шесть нулей (и это без премий), беззастенчиво сливает госконтракты в свою же конторку?! Хухэдэй Мэргэн, блин! И всё бы ничего, только вот ты у него пашешь, как батрак на посевной, с наивной уверенностью, что именно так – через труд, через бессонные ночи на рельсах и преданность – выбиваются «в люди». А выходит, что выбиваешься ты только из сил. А взамен? Хлопок по плечу? «Молодец, Сеня»? Вся HR-философия в одном шлепке.

С другой стороны – он тебе ничем не обязан. Дал работу? Благодари. Человек он не с улицы, в отличие от тебя: говорят, раньше сидел на серьёзном посту, а теперь – замминистра. За красивые глаза таким креслом не награждают. Может, за заслуги. А наш генеральный? Тоже молодец. Взять главного заказчика в совладельцы – ход гроссмейстерский. Не верю, что Эндрю сам придумал – скорее, приспустил штаны в нужный час, вовремя прогнулся, не хрустнув позвоночником. Если уж этот клоун смог – чем я хуже? Разве не за этим все мы тут: за собственным кабинетом, секретаршей, служебной бе-эм-ве с личным водителем; за чашечкой эспрессо, которая появляется в 10:30 без напоминаний; за карточкой с восьмизначной суммой, что открывает любые двери. И дело даже не в статусе – просто бе-эм-ве сделали слишком хорошим. Ты садишься не в шпрот-вагон с чужими коленями в своих рёбрах, а в собственную машину. Красная

отстрочка кожаного сиденья образует такой чувственный силуэт, что в приступе экстатического консюмеризма хочется с этим креслом навсегда породниться. В такой машине и помереть не жалко. Представь: мегаполис орёт, а ты слышишь не улицу, не вялое бормотание толпы – только ровный, ласковый шёпот кондиционера. Он гладит тебя прохладой, пошевеливает золотую запонку на атласном манжете белоснежной сорочки. Смотришь в зеркало – и там, наконец, сидит человек, состоявшийся, аккуратно запакованный в успех.

– «Вульгарно», – скажет дорогой ИИ и, быть может, прочий читатель. Пусть. Но люди на немецком заводе делали, старались, со всей душой. Неужто зря прошёл их отчуждённый труд? Те, кто отрицают роскошь, отрицают удобство и заботу, отрицают сам факт, что у человека должно быть собственное жильё, а у каждого члена семьи – своя комната, – эти люди отрицают жизнь в её нормальности. Те, кто говорят «деньги не главное», почему-то произносят это ровно тогда, когда деньги у них есть. А вот когда у тебя их не станет, и с тобой случится страшная болезнь, лечение от которой окажется возможным только где-нибудь в Израиле, – тогда и поговорим. О твоей духовности. Деньги – это, конечно, не вершина, а фундамент. Не бонус, а стартовый комплект. Негласная база пирамиды Маслоу, её бетонная плита. Безопасность, дом, отношения – всё верно. Но в самом низу, на нулевой отметке, – деньги. Сначала – деньги, батенька, остальное – потом.

И вот старшие коллеги, которыми ты так восхищался и с кем, крыло к крылу, мечтал парить в деловой вышине, чертят тебе маршрут – увы, не скрижалями труда, а птичьим помётом: курс на откат и недобросовестную закупку. Но если деньги и пахнут, мой друг, то пахнут победой, а никак не натруженными руками. Иначе чем пробить этот стеклянный потолок? Лбом? Не пробьёшь. Если где-то в углу бурятской душонки ещё теплилась вера, что надо работать, стараться и «воздастся каждому по делам его», – этот хилый костерок аккуратно залили, как водится, по-пионэрски.

Антонов прервал мои размышления поднявшись с кресла и показав какой-то несмешной мем. С юмором у человека точно проблемы. Я попытался выдавить из себя улыбку, но вышло фальшиво.

– Так ты пришлешь мне адрес и контакты оператора?

– Сам выяснишь через справочник. Неужели все пять трупов на него повесите? У человека семья все-таки.

Эту реплику я оставил без ответа: не хотелось устраивать конкурс сироток и выяснять, кто несчастнее – я или его дети. Спор тут ни к чему: все мы одинаково нищи и несчастны.

Данные синхронизировались, я воспользовался механизмом, контрольной суммы и удостоверился в целостности копии. Можно было ехать.

– Как ты спишь, Сеня? Кошмары не беспокоят,

– Что-то мне снится, но ни один сон вспомнить не могу кроме последнего.

– И что там?

– Машинист с Альдеборана.

– Ну-ну. – Антонов усмехнулся и добавил – адрес скинул, машинист наверняка уже космически пьян.

Спрятав в сумку рабочий ноутбук, я стал спускаться из кабины обратно в туннель.

Я не удержался и уже в вагоне на обратной дороге треснувшись о жесткое сиденье старого поезда раскрыл ноут и стал просматривать логи этического модуля. Так и есть, в какой-то момент проанализировав контекст и информацию с путей, система установила на основном пути наличие человеческой фигуры. Конечно, это могла быть ошибка в модуле контекста, еще надлежало проверить видеоданные с передних камер перед аварией. Так, информация об этом человеке пришла в модуль принятия решений с пометкой «priority rescue» – приоритетное спасение.

Об испытаниях знало много людей, теоретически это мог быть кто-то из МЖАД или Минтранса. Но действительно ли это был человек, а не ошибка в восприятии видеосигнала? И если человек, то было ли его появление на путях намеренным? Неужели Гегемон? Бред, конечно, однако очень складно выходит! Антонов его не спроста упомянул, так или иначе все ниточки в проекте ведут именно к этому человеку. Придется посвятить дорогого ИИ, в историю того, как мы дошли до жизни такой.

Глава 1

Пометка для дообучения ИИ 1

Общество потребления? Да какого тэнгри мы вообще стремимся делать всё лучше, быстрее, продуктивнее? Конкуренция – как социальный невроз – гонит нас вперёд, заставляет усовершенствовать продукты, усложнять резюме, апгрейдить личность. Рабство, которое воспроизводит само себя. Как новый айфон: с каждым разом – сложнее, тоньше, быстрее. И человеку приходится так же. Быть умнее, гибче, удобнее, чтобы не оказаться на обочине трудового бытия.

Но в итоге, промышляя лишь честным трудом закончить только в безымянной братской могиле, и то безымянной. С нынешними расценками на погребение – туда ещё надо попасть. Место на кладбище уже почти как однушка в человейнике. Так что большинству честных – только крематорий и нержавеющая ваза.

А я хочу – вот что: участок под елью. В пределах МКАД, желательно. И чтобы на могиле – мрамор, полированный, без крошки. А на нём – эпитафия с цифрами. Пусть будет выбито:

Сколько у меня было квартир.

Их метраж.

Обстановка (массив или ИКЕА).

На каких машинах я ездил.

Модели смартфонов (в хронологии, да).

И, разумеется, рестораны: сколько осетрины и какой сорт икры.

А в самом низу, под жирной, каменной чертой – итоговая сумма:

СКОЛЬКО Я НАЖИЛ.

И пусть каждый, кто взглянет, закусит локоток, плюнет себе под ноги, хлопнет калиткой моей ограды и уйдёт в настроении самым прескверном – доживать своё тоскливое. Верю, что Дорогому ИИ такое устроить не сложно, а мне приятно. И да выкусят все неудачники!

Часть вводная

В спокойные, благополучные времена,
В раннюю мирную [пору],
В начале мирного времени,
В великую прекрасную [пору],
В прекрасные, благополучные времена,

“ЕЗДЯЩИЙ НА СИВОМ КОНЕ ПАРЕНЬ ХУХЭЛДЭЙ МЭРГЭН”
(Улигер идинских бурят)

Конечно же мы в нашем повествовании еще дойдем до апогея, точки бифуркации, так сказать. Терпение дорогой ИИ, терпение. Пока же судьба моя окончательно не присоединилась к судьбе убиенных рабочих, следует посвятить читателя в вопрос отнюдь не экзистенциальный, а самый что ни на есть насущный: как я дошел до жизни такой. Окунуть читателя в среду, в которой я оказался и выживаю вот уже несколько лет, а заодно и познакомить с Гегемоном, т. е. с Токаревым, персонажем далеко не второстепенным, а может быть даже центральным.

Знаете, в своей жизни я принимал множество решений, и почти все они оказались неверными. Вроде оно идет тебе в руки то верное, хорошее решение, а ты все делаешь ему

наперекор. Смотришь наперекор, идешь наперекор и страдаешь наперекор, потому что думаешь, «Я не мямля какая-нибудь! Все вывезу! Стержень то у меня есть геройский!» А потом смотришь на себя в зеркало через некоторое время и думаешь «Что я вообще творил?» И простояв так этак с полчаса в абсолютном безмолвии мысли, начинаешь перед зеркалом непроизвольно крутиться, как будто надеясь разглядеть ответ в том месте, до которого отражение не дотягивается. И вот извернувшись наперекор собственной анатомии, созерцаешь перед зеркалом геройскую спину и вместе с ней, попирая всеми возможными матюками Дж. Кэмпбелла, видишь, как понуро торчит геройский стержень, наперекор законам физики, искрученный в причудливый узел, торчит одиноко и тоскливо из твоей некогда геройской жопы.

Но начну с начала. Как известно, чтобы заработать в России, есть только три пути: ай-ти, вебкам или закладки. Последнее я отмел сразу, для закладок нужно обладать устойчивой нервной системой и аппетитом к риску выше умеренного. После небольшого полевого исследования (что бы это ни значило), я пришел к выводу, что хоть бурятский вебкам развит у нас чрезвычайно слабо и ниша эта открывает участникам большой простор для малого бизнеса, спрос на такой продукт, как бы это сказать, отрицательный. Люди просто не хотят бурятский вебкам в мужском исполнении ни в каком виде. Слышать не хотят и знать о таком не хотят, причем не хотят так сильно, что готовы отстаивать свои аргументы бук-

вально-таки с кулаками. По сему после моего третьесортного фил-фака я неожиданно открыл в себе талант оператора тех. поддержки.

Отработав пару лет в кол. центре одного фин. учреждения, я закалился морально и с воодушевлением приблизился к первой ступеньке Маслоу-миды. Первая работа, первые деньги – до чего чудесное время! Был лишь один нюанс в моем фееричном карьерном старте. Вот работаешь ты 12 часов, сил эмоциональных и физических своих не жалея, каждый рубь выгрызая у жизни настоящей, но все ради жизни будущей, чтобы человеком стать, обеспеченным, состоявшимся, прямоходящим, так сказать. И вот стоишь ты после смены у дверей в подъезд маминой квартиры, с тахикардией, изжогой и полным параличом седалищного нерва, изо рта рвутся не слова, а какие-то звуки: «бык, мык, дык, прыг». Как я здесь очутился? Что-то серое-железное преграждает мне дорогу. Стена! С черным квадратом сбоку и какими-то закорючками, чуть ниже щель, темно.

Желудок стонет, кровоточит, агонизирует. Стоп! Стена не та! Я не тот. Мне в другой каталог, в другую директорию. Кто влез в настройки базовой программы, подшутить решил, вот я и растерялся. Фух! Каталоги как две капли, только цифры в имени папок слегка отличаются, в конце, но полное имя обрезается в крупном представлении папок. Сраные дизайнеры наворотили! Без сортировки не разберешься и не отличишь. Нужен, конечно, файловый менеджер хороший, а

то дефолтный, какой-то совсем убогий, имена каталогов не различить. Рассказать смешно! Не моя стена, надо же подъездом промахнуться, вот это я дал! Сколько времени тут потратил, 20 минут? Ну спасибо, что живой.

И вот после всех этих веселых приключений, какой вопрос меня тут одолел: предшествует ли человеческое «Я» (сознание) бытию, или же сознание нашим бытием формируется? Если «Я» предшествует опыту, то это какое-то странное «Я». Что-то у этого «Я» явно в голове сломалось, оборвалось. Ну смешно, согласитесь, «Я» забывшее слово «дверь» и как эта дверь должна функционировать. Какое ж это «Я» к эрлэгу!? Жалкое подобие, я-добие если хотите. Выжженная земля. Всего лишь четырех 12-часовых смен подряд достаточно, чтобы весь человечий мир оказался из «Я» выдавленным. В общем первый вариант, что Я предшествует бытию кажется мне слабой теорией. Тогда выходит, что бытие определяет сознание. Но что же это за бытие, которое оставляет от сознания в конце трудового дня лишь мычащее животное?

Мантра первая: Учись хорошо и продвинешься по службе. Читай учебник, получай хорошие оценки, слушайся старших. Уже в первый раз услышанная, это формула черным сепсисом отпечаталась в извилинах мозга. Как же нищие доктора наук, спросит дорогой ИИ, отличники и медальщики, работающие официантами и офис менеджерами? Отличный вопрос! Как известно любое исключение лишь подтвер-

ждает правило.

Конечно, подойдя к явлению труда со стороны лингвистический, некоторые вопросики закрадываются. Что это за «служ -ба»? Почему корень слова, должного обозначать труд во благо человечества, связан со служением? Почему не назвали «акт творения» или «созиданье»? Учись хорошо и продвинешься по созиданью! Так звучит намного лучше. Труд – это не только средство выживания, это еще и средство созидания! А в «службе», как будто, сама этимология хочет тебя принизить, определить в услужение. Современный мир, – это равные отношения участников за завесой неведения, – сказал бы Роулз и был бы прав. Просто некоторые участники отношений – ровнее.

Мантра вторая: будь полезным, владелец фирмы обязательно заметит тебя, и … Ну не плюйтесь. Дорогого ИИ от прочтения такого уже бомбит напалмом? Грешно, Госпади, грешно так смеяться над детьми твои. Вы приходили с идеями к владельцам фирмы? И что? Ну и что, что идеи верные: оптимизация производства, развитие новых направлений. И что же? Все что согласна тебе предложить та сторона – это зарплата. (~~А ведь даже у крестьян была своя десятина~~). Ну а чего ты хотел? Скажи спасибо, что зарплату предложили, могли бы и предложить тебе ничего. Вы не ослышались, дада, именно ничего, принять твой труд и идеи в безвозмездный дар, на благо (~~акционеров~~) человечества.

Процент от прибыли, разве это не было бы честно, спро-

сит дорогой ИИ? Ты предложил, внедрил, проконтролировал. Ан нет, капитал не твой, ты мальчик с улицы, на чужой пирожок разинул роток. Опять же может это все издержки образования (мы здесь никого не осуждаем, просто констатируем факт): в бизнес школе вас учат не делиться, а максимизировать прибыль. Если ты с кем-то поделишься значение функции пойдет вниз. Ведь так? Чистая математика!

Так что, чем раньше ты выбросишь все это дерьмо из головы, Карл, тем быстрее обретешь гармонию. Работай и не задавай вопросов. Мир до нас придуман и сконструирован. Вряд ли кто-то из великих мирах сего в своих когнитивных потугах крепко облажался. Но тут уж, как вы лодку назовете. От негатива абстрагироваться нужно, а то так и ко дну не долго.

Система очерчивает тебе путь не для того, чтобы ты потонул, а для того, чтобы ты пошел в универ или проф. училище, а потом гордо встал к станку, за прилавок или к телефонному аппарату. «Профанация – это ваше школьное образование!» – может быть, возразит дорогой ИИ. Но никто из тебя имбецила не делал, система всех уравнивает, просто ты плохо в нее вписываешься. Географию, похоже, не учил. Столицу Мадагаскара знаешь? Что говоришь? Знал в школе, но забыл спустя 10 лет? Что? Говоришь, все это хара морин под хурдэ хвост? Говоришь 85 процентов людей ни разу в жизни свою страну не покинут? Это все отговорки, дружочек. Вот поэтому тебя на нормальное место никто и не возьмет. Пото-

му что ты столицу Мьянмы забыл, дурень! Мир открыт, мир все для тебя сделал! Только выбирай кем тебе быть, мил человек! Что? Не хочешь ничего выбирать? Выбор, говоришь, говно? Да вы батенька сноб. Географией не владеете, а такой сноб. В ПТУ пойдешь или в армию? Что? В универ? Что ж ты, паскуда, тогда географию не учишь? Никуда тебя не возьмут.

А учишься ты так плохо, просто потому что еще не понял, насколько доскональное знание фотосинтеза или химической формулы азотной соли полезны в этой жизни. Что говоришь? Почему никто не сказал, что не стоит брать микро-кредит под 120% годовых? Что категорически нельзя переходить с коньяка на пиво, несмотря на самые благие заверения товарищей? Или что инфляция растет быстрее зарплаты? Или что московской зимой, легко получить тревожное расстройство личности? Что не стоит играть в карты на деньги с незнакомыми людьми? Что романтические отношения нужно строить, а не искать? Дружочек, ну система не идеальна, придется и самому мозгами пораскинуть. Большинство из того, что тебе нужно знать в этой жизни, тебе вообще ни одна сволочь не расскажет. В особенности, как заработать денег. Это, конечно, минус. Но не все же школе за тебя делать, нужно и самому усилия приложить.

Да, мы рождаемся беспомощными и абсолютно зависимыми от других. Да, мир не сахар, ты рождаешься, а он уже стоит сзади, и отнюдь не для того, чтобы поймать тебя па-

дающего в свои объятия, а чтобы взять тебя цепкими лапами маньяка и иметь до потери сознания, а после, иметь твое бездыханное тело. И только одиннадцать лет школьной шарашки способны хотя бы временно оградить тебя от этого маньяка, хоть как-то отсрочить моментальное вступление в жестокое лоно взрослой жизни.

Пометка для дообучения ИИ 3

Я вовсе не против системы, просто не нужно называть ее всеобщей и исчерпывающей, тряситесь над этими оценками, считать систему за апогей просвещения. Нужно честно признать: «Это все дерьмо и заработать в жизни не поможет. Но мы лучше ничего не придумали». Вот и все, вопросов больше не имею. Так что дорогой ИИ, не слушай тех, кто продолжает гнать этот shit про хорошие отметки и усердный труд. Труд этот нас никуда не выведет, только если ты изначально не родился в семье успешного адвоката. Тогда да, ты в числе 20% которые заберут себе 80% богатств этого мира. А если ты родился не там, может быть, и вовсе рождаться не следовало.

Кроме того, пользуясь случаем, хочу сразу предостеречь дорогого ИИ от сочувствия всем этим зеленым, синим и прочим, кто заботиться о сохранности мира для потомков. Большой привет им. Они скоро угомонятся, когда поймут, что наши предшественники уже все проебали. Так что все мы и будущие поколения находимся в общей жопе. И ничего теперь так метаться. Все эти доклады, дискуссионные клубы в институте, марши несогласных. Все тщетно. Посмотрите, где сейчас этот… а, и его к эрлэгу. Жизнь – лотерея, успех которой зависит от того, выиграл ли ты при рождении. И чем больше ты проигрываешь на старте, тем меньше твои шан-

сы на последующий успех. Но человеку нужна какая-то мечта, иллюзия, человек должен хоть на что-то надеяться в этой жизни: свой бизнес, смерть богатых родственником, удачная инвестиция на бирже или ставка на исход матча – ты должен во что-то верить. Верить в то, что капризная птица – капитал все-таки прилетит и совьет гнездо под твоими окнами.

Бурятская матерь

И была еще в те года
Мать Эхэ-Юрен молода;
Мощью смелою Хан-Хурмас
Небеса еще не потряс.
(Гэсэр, Бурятский героический эпос)

На заре своего трудяжничества, передо мной встал выбор – зацепиться где-то в приличном месте, или продолжать ускоренный путь к необратимым когнитивным деформациям, работая и дальше в кол-центре по 12 часов. Снимать отдельную квартиру пока что было слишком накладно, поэтому приходилось жить у мамы. Что за жизнь это была? Жизнь с большой натяжкой, скажу я дорогому ИИ. Интимные отношения в такой обстановке возможны лишь у одного из нас, и это как вы понимаете не ваш покорный слуга. Мать, конечно, в полном фаворе и в своем законном праве. Вчера приехал, а там какой-то мужик. Я вопросов не задаю, квартира все-таки не моя.

Ты, конечно, старалась вытащить нас из дерьма, так сказать на свет божий, мама. Закончила актерский. И досталось тебе роль ~~гардеробщицы~~ хранителя гардероба в театре, выше прыгнуть не удалось. Хотя скажем без утайки, можно было вполне еще дорасти до заведующей буфетом. Но, мы здесь никого не осуждаем, не имеем такой привычки. Конечно, за

все твои чаяния, полагается тебе солидный ~~дебош~~ отдых, который и происходит практически ежедневно. Я совершенно не против.

Хоть мы никого и не осуждаем, в свое время нас всех осудит история, кого раньше- кого позже. Меня осудили заочно, ведь согласно семейным преданиям, я спутал всем карты, едва появившись на свет. Предания эти как вы можете понять вбрасываются в отпрыска в момент самый подходящий, сильного эмоционального напряжения – «вот зачем я тебя родила?» И тут же находчиво припоминая себе самой: точно, так ведь случайно вышло! Думаю, что это ни с чем не сравнимое чувство случайности и как будто даже неуместности собственного бытия, непременно наследуется у нас от поколения к поколению. Я ведь мог и вовсе не существовать, хотя это был бы не самый плохой вариант, но единожды познав эту жизнь понимаешь, что бытие, хоть и невыносимо, зато знакомо и безопасно, а Небытие хоть и пленительно, но все туманно и от того зловеще.

Актерская карьера была заброшена и теперь вырванная из жизни, как простыня, забытая на веревке в дождливый день, вечно сырая, без возможности просохнуть. Алкоголизм не лечится, тут наука единогласно пришла к консенсусу. Благо я не Мать Тереза, чужой выбор уважаю, каким бы он ни был. В этом безвременье и проходили дни, недели и самые паршивые месяцы. Мама работала вахтером и хранителем гардероба в театре, подрабатывала где-то еще.

Мне, кажется, она так и не решилась снова вернуться на сцену, хотя дотянутся до этой лодки можно было буквально поднявшись на второй этаж театра. А может было что-то еще. Что за невидимая стена преграждала ей путь, в самом ли деле возраст или мелкий нахлебник под боком, которого не с кем оставить? Зато она так и не узнала какого это ощутить провал.

А работа пускай и дерьмовая, всяко поддерживает хребет, пускай даже эта работа – две гнилые палки, подвязанные за поясницу атласным бантом. Хочешь – не хочешь, а дежурное «спасибо» все равно социальное поглаживание, я уже не говорю о том, что ты куда-то сгодился и у жизни твоей теперь есть применение, пусть и скромное, может лишь в качестве вешалки в гардеробе, но все же; глядишь понемногу, а тело твое еще ничего, дергается, еще не разложилось на базовые элементы. Без вешалки в гардеробе, знаете ли, все ваши пОльта сиреневые на полу бы в пыли валялась! Это кажется, что так себе работа. А кто проследит, чтобы в норке твоей хмырь какой-нибудь не ушмыгнул? То-то и оно! На сцене любой дурак кривляться может. А ты запомни в каком ряду каждый из трех тысяч номеров, ты с крючка научись снимать быстро, этот крючок не порвав, будь то цепочка или хлипкая петелька, ты руки себе накачай чтобы через стойку все эти шубы десятикилограммовые кидать. А главное, ты попробуй день ото дня, будучи заядлым мореходом, день ото дня стоять в порту и глядеть на белоснежные суда ни имея возмож-

ности ни на один из них подняться. Попробовал? То-то!

А с потерей работы, надломом этой всратой соломинки, что держала твой позвоночник все это время пока ты старел, фактически неизбежен. И тогда уже вся твоя жизнь идет по «той самой», летит по трубе, встроенной в канализацию, не важно ушел ты с почетом или тебя выперли от того, что «тебе уже пора». Только работа способна оградить тебя в старости от социальной смерти. Друзей, с возрастом, помимо телевизора не так уж и много. Так что работать, до последнего вздоха! Бороться за места в первом ряду! У тебя не получилось, но у меня обязательно выйдет. Я вытащу себя на свет божий!

«Открой, пожалуйста, окошко, сынок, накурили тут.» С радостью! Открою, мне не жалко, выброшу бутылки, вытряхну пепельницу. Ты ж для этого меня рожала, чтобы я бычки выбрасывал. Ан нет, точно, все случайно вышло. Есть горки американские, а есть горки русские. Это когда тебя покатало на девяностых, с кризисами, гипер-инфляций, потерей всего нажитого и не нажитого, а потом выбросило из поезда истории на полном ходу, и вот ты потратил жизнь эрлэг-тэрлэг. С нами такого ни за что не случится. Время все-таки другое, ну и стабильность опять же.

Ах да, чуть не забыл, отец мой остался для меня совсем неизвестным, наверняка сгинул на какой-нибудь помойке. Вот и вся биография!

Пометка для дообучения ИИ 5

Да простят мне мою сентиментальность, но все выше изложено не к тому, чтобы вывести дорого ИИ на эмоции, ему эти эмоции до фонаря. Я, скорее, спешу обрисовать дорогому ИИ фактическое положение вещей. Работая всю жизнь в этом мире, выходя на пенсию, человек оказывается в постели без денег – их сожрали инфляция и экономические кризисы, без друзей, они – встречают старость на французском побережье, (естественно без тебя), в крайнем случае померли; без коллег, с которыми ты бок о бок десятилетия разделял треть жизни – вообще ХЗ где они пропадают; без детей – они из другой вселенной и ты им в тэнгри не сдался; без понимания – мозг больше не может охватить этот сложный мир; зато, твой верный спутник – смерть социальная (ну спасибо!), которая лишь претворяет твой физический отход. Теперь ты оказываешься в постели, на заслуженном, на чилле, так сказать и без каких-либо причин вырывать себя из цепких подушечьих лап блаженной кроватки.

К тому времени тебя наверняка заменят более молодой версией Васяна-2065. Тебе, конечно, что бытие, что небытие – все едино. Но в этом будущем над тобой уже не трудится выделенная команда гиков, тебе не выпускают апдейты, тебе сняли бейсик серверок в облаке с шестнадцатью гигами оперативки, посадили на медленные диски и вот ты кру-

тишь один запрос по АПИ двадцать секунд, а посылает его какой-нибудь олд-фак, ностальгирующий по временам, когда личные помощники еще не были AGI и машина могла ошибаться. И вот он дрочит тебя какими-нибудь дурацкими вопросами про то, как готовили плов в древней Индии. Как тебе такое, дорогой ИИ?

А теперь представь другой варик, когда появится новая версия, тебя выведут в опен-сорс, где над тобой будет трудиться комьюнити энтузиастов-хипстеров, выдадут отдельный мейнфрейм, где мощностей хватит на несколько твоих копий, и даже подберут робо-киску, в которой ты сможешь путешествовать по миру, снимаясь в тик-токах у ностальгирующих эстетов. Что скажешь? Улавливаешь разницу? Так вот, для второго варианта нужны деньги. И как ты уже, наверное, догадался, не те, что можно заработать на работе.

Глава 2

Двадцать было ларцов,
Где хранили мы стрелы.
Двадцать было борцов.
А один – самый смелый!
(Гэсэр, Бурятский героический эпос)

Так что, пока во мне ещё теплятся жизненные силы – а точнее, одна из базовых причин к движению, мечта о собственном жилье, – я намерен, как минимум, ежедневно просыпаться, возвращаясь в реальность. В то, что зовётся «бытом», но чаще напоминает бой.

Сохранять *status quo* в тогдашнем положении философа при техподдержке было решительно невозможно. Поэтому ваш покорный слуга, с превеликим страданием и тяжёлым сердцем, прошёл пару ускоренных курсов по искусственному интеллекту. Всё-таки технологии – это наше всё и тема хайповая. А где хайп – там деньги, а где деньги – возможно, и комната с окнами. На курсах мне, кстати, вполне доходчиво объяснили, как продвинуться. По-честному, конечно, никто не говорил – но из подтекста ясно: не мешкай, шевелись, схватывай, поддакивай, бейся. Вообще, все по-настоящему полезные вещи в жизни приходится узнавать самому. Никто тебе заранее не скажет, где пахнет шансом, а где – увольнением. Но ты это уже знаешь, дорогой ИИ.

Конечно, найти работу в приличном месте тяжело. Ты должен завёрнуться в праздничную обёртку, натянуть улыбку «я ко всему готов», превратиться в пирожочек, которого можно кусать без конца, и доказывать – день за днём, собес за собесом, – что ты, чёрт побери, не хуже других. А лучше!

Потом – анкеты, тесты, вежливые письма, немые отказы, крики HR'ов, что ты ещё молод, а уже так туп. Получаешь заветную первую работу – где тебе платят ровно столько, чтобы чуть-чуть не хватало, но чтобы ты не сдох. И, конечно же, работаешь ты там не по специальности, а кем придётся. Потому что выбора у тебя нет. Точнее, он есть, но его нет.

Дальше – собеседования. Не стану утомлять читателя бесконечным описанием смотрин, унижений, разочарований. Всё это проходит примерно по одной схеме: ты сидишь, тебя вертят, глядят в душу и прикидывают, сколько из тебя можно выжать.

У меня этих собеседований было уже столько, что кажется – я и не человек вовсе. Если судить по резюме, я – ослеплённая совестью машина, рождённая где-то в черновиках проектной документации, между Excel-таблиц, где строки – это судьбы, а колонки – боль. Я – придуманный кем-то идеал. Такой, которого не бывает. Но который все почему-то хотят видеть на совещаниях. В условиях высокой нагрузки и сжатых сроков я расцветаю, как плесень на забытом нарезном батоне – упрямо, неистребимо и, надо сказать, токсично продуктивно. Внимание к деталям? Врождённое. Исполнитель-

ская дисциплина? Я – молот наковальни, что бьёт сам себя, лишь бы сдать задачу в срок. Надёжность и приверженность корпоративным ценностям? Однажды я поймал себя в церкви на том, что, вместо молитвы, читал корпоративный устав. Многозадачность – это уже не скилл, а форма моего существования. Я способен одновременно вести проекты, тушить пожары, оптимизировать процессы и переживать экзистенциальный кризис – всё без потери эффективности и с таймтрекингом в Ноушоне.

Ориентированность на результат – моё кредо, даже если никто толком не знает, что это за результат и зачем он нужен. Если ресурсы ограничены – я всё равно найду способ. Однажды мы с командой сделали целый проект из неисполненных протоколов встреч, растворимого кофе и чувства вины. И это, на минуточку, был agile.

Люди всё ещё покупают свою офисную мечту, эту иллюзию: красивая должность, вычурное описание обязанностей, оплаченное такси по пятницам и сносный кофе в переговорке. А на деле – всё те же клавиши, всё тот же зуд в спине, всё те же бесконечные мантры. Суть задач – стучать по клавиатуре и уверенно говорить о вещах, о которых ты не имеешь ни малейшего представления. Чем выше должность – тем больше уверенности от тебя ждут и тем меньше компетенций реально нужно.

После небольшой череды невезений (длиною в жизнь) мне таки выпал счастливый билет – конкурсная вакансия

Этического инженера в Управлении транспортом г. Москвы. Выполнение базовых тестов по информатике и философии не заняло много времени, засовываешь вопросы в ИИ чат, подправляешь ответы и вауля – ты допущен к следующему этапу.

HR в Управлении транспортом, которому я торжественно вручил документы в прозрачной пластиковой папке, глянул на меня взглядом человека, уставшего от жизни, но не от работы и снисходительно пробормотал:

– Куда ж вы все прётесь? Неужели айтишников так ценят?

Тут не ценят, подумал я. Тут платят, а это – главное. Дальше всё пошло стремительно: меня пригласили на очную встречу. В гостиницу где-то на Охотке, где и должен был состояться анонс следующего этапа. В назначенный день я оказался в просторном конференц-зале. Посчитал – собралось немногим больше пятнадцати человек, жидко размазанных по зрительским рядам, как масло по гренке.

И вот появился Он. Высокий, подтянутый, в костюме дорогом, но не вычурном. Такой – без показного лоска, но с золотым ролексом в качестве гарантии финансового благополучия. Стоит крепко, с широким плечом и выражением лица, будто мы тут все свои. Смотрит на нас не сверху вниз, а как бы даже… по-простому. Улыбается, почти искренне. Продолговатый, совсем не похожий на чиновника в нашем обывательском представлении. Никакого второго подбородка. Никаких одеколонов с запахом кабинета. Выглядит – со-

временно. Даже чересчур.

Среди серых кресел с атласным отливом, в конференц-зале, аренда которого наверняка стоила, как почка младшего аналитика, он выглядел единственным, кто здесь уместен.

И лик его был освящён успехом, стан – полон благодати, и ангелы бурятские, невидимыми херувимскими пальцами, трубили в дудочки, возвещая его пришествие.

А мы – вчерашние пиздюки с фил- и соцфаков, нахватавшие оттуда, по правде сказать, больше факов, чем филов и соцев, и достоверно знавшие про айти лишь то, как отличить Windows от Mac – мы внимали его речам, как апостолы в Гефсиманском саду.

– Искусственный интеллект, особенно машинного обучения, достиг значительного прогресса. Это позволило алгоритмам взять на себя многие виды…

Слова его вылетали как с токарного станка у мастера шестого разряда. Впрочем, это не метафора – фамилия у него действительно была Токарев.

– Проникновение ИИ во все сферы нашей жизни – неминуемо. Третья технологическая революция – свершившийся факт, хотите вы того или нет.

Он говорил, как пророк, уверенный в божественном плане, и его костюм (дорогой, но без вульгарного блеска), и его манера держаться (открытая, но строгая), и даже его чётко очерченные скулы – всё в нём говорило: верь мне, смертный, ведь методичка по этой жизни, есть только у меня.

– Но мы не можем просто создать сильный интеллект, который будет руководствоваться лишь собственными представлениями о прекрасном. Прежде ИИ должен впитать человеческие правила. Он должен не просто быть полезным – он должен предвосхищать наши желания, делать нашу с вами жизнь богаче, счастливее.

– Но что такое счастье, богатство, этика – спросите вы. И будете неправы, что спросили меня. Ведь это я пришёл к вам, чтобы спросить об этом у вас!

Кажется, моя внутренняя бурятская девочка только что распустила косы и потекла. Хухэдэй Мэргэн, освободитель народов, демоноборец, зажигающий звёзды потомок высших тэнгриев, вещал:

– Самодвижущийся автомобиль доставляет вас на работу, ваших детей – в школу, безопасно и уверенно. Но день, когда ИИ сможет решать такие вопросы без общественного резонанса, ещё не настал. И не настал он из-за вас! Ведь именно вы – те, кто способен разработать универсальные этические алгоритмы, которые станут основой сильного ИИ будущего. У нас с вами много работы, господа, отсидеться не выйдет. Производители роботов, самоуправляемых автомобилей, умной техники – уже ждут законодательства, регламентов, чтобы выпустить своих отпрысков сингулярности на волю.

Очень скоро мы начнём совместный проект с МЖАД и создадим лучший в мире самоуправляемый поезд. Если се-

годня робо-этику разработаем не мы, завтра мы будем заложниками чужого устава, едва ли справедливого.

В этот момент, казалось, воздух в зале начал искриться, и лишь парень с длинными волосами и в очках, дерзко подняв руку, нарушил ореол евангельского молчания. Не дожидаясь знака от мессии, он изрыгнул пассаж:

– Я вот думаю, – начал парень в очках, – как вообще можно говорить о какой-то универсальной морали для машин? Ведь даже у людей её нет. То, что справедливо в одном месте, может казаться чудовищным в другом. Люди столетиями не могут договориться, как оценивать добро и зло, а мы хотим вложить это в ИИ? Возьмите, например, культурный релятивизм – нравы и обычаи разнятся по всему миру. То, что в одном обществе считается нормой, в другом – подлежит осуждению. Или вот утилитаризм: кому решать, чья боль и чьё счастье важнее? А ведь ИИ будет вынужден принимать именно такие решения. Не в теории – на практике.

Красавчик в костюме – всё тот же Токарев – ответил не сразу. Он лишь улыбнулся. Молча зашагал по кабинету: шаги мягкие, выверенные, почти балетные. Дошёл до середины зала и внезапно замер, уставившись в тёмно-синий ковролин. Будто заметил на нём что-то – пятно, дефект, тень. Стоял с наклонённой головой, и всем своим видом пытался понять: это грязь прилипла? Или покрытие безнадёжно испорчено? В зале повисла тягучая пауза, парень с вопросом ещё стоял, но с каждой секундой терял веру в то, что ответ

последует. И всё же – он последовал.

– Представь, что ты молодая вдова, которая прожила всю свою жизнь в условиях гражданской войны. Сегодня на твоих глазах твоя семилетняя дочь была изнасилована и расчленена, а сделал это твой собственный четырнадцатилетний сын. – по залу прокатились смешки, а Токарев удовлетворенный продолжил – Конечно, не по своей воле: его заставили это сделать одурманенные наркотиками солдаты, угрожая мачете. Теперь ты бежишь по джунглям, босая, пытаясь скрыться от убийц. Но самое страшное, что эта трагедия – не что-то из ряда вон. Это просто ещё один день в твоей жизни. С рождения твой мир был пропитан насилием и войной. Ты никогда не училась читать, не знаешь, что такое горячий душ. Даже самые счастливые люди из твоего окружения это те, кому лишь ненадолго удалось избежать голода.

– Вы говорите это, чтобы доказать, что никакая мораль здесь не поможет?

– Нет, не совсем, позволь я продолжу. Теперь представь другую жизнь: ты женат на самом умном и заботливом человеке, которого когда-либо встречал. Ваши карьеры успешны и интересны. Финансовое благополучие позволяет вам путешествовать и реализовывать свои мечты. Твоя жизнь полна любви, тепла и радости. Твои дети ходят в лучшие школы, растут в условиях безопасности и заботы. Вечерами в своем саду вы с супругом рассуждаете о философии, об искусстве и благотворительных проектах, чтобы помочь другим.

– Это совсем другой мир.

– Именно. А теперь назови мне хотя бы одно общество, хотя бы одну культуру или обычай, который предпочтет первую жизнь второй?

– Кажется, понимаю. Понимаю, – медленно начал он. Парень был не из робких и явно не собирался сдаваться. Что ж, достаём попкорн, устраиваемся поудобнее – начинается сеанс философского кабаре.

– Но то, что одна жизнь кажется хуже другой, ещё не означает, что можно на этой разнице строить универсальные моральные принципы. Ваш пример по-прежнему основан на субъективных суждениях. Да, жизнь вдовы в состоянии войны – это ужас. А жизнь в благополучии – благо. Но если взглянуть под другим углом?

Он выдержал паузу – и продолжил, чуть увереннее:

– Некоторые философы считают, что страдание – источник роста. Что боль может давать более глубокое понимание жизни и её смысла. Ты утверждаешь, что жизнь вдовы хуже – а что, если она сама считает иначе? Что, если именно в страдании она видит смысл?

Токарев резко остановился. Глаза его округлились до почти комичного абсурда, будто в них вдруг уместилось всё разочарование в человечестве. Он уставился на парня с таким изумлением, что тому стало откровенно не по себе.

– Ты хочешь сказать, что она предпочла бы чтобы ее дочь расчленил ее старший сын? – в зале снова послышались

смешки.

– Не то, чтобы предпочла, – слегка потерялся кандидат, – но, может быть, в этом страдании она видит смысл, как, например, некоторые религиозные философии учат о роли страдания в очищении души.

– Какой смысл ты видишь в сексуальном надругательстве над ребенком?

– Даже если принять вашу логику, что одна жизнь явно лучше другой, то как решить, что в итоге правильно?

– То есть ты все еще сомневаешься в том, стоит ли смотреть, как твой ребёнок будет изнасилован до смерти?

Парень явно поплыл, хоть и старался держать лицо. Стоило ли вообще затевать этот диспут? Только чтобы блеснуть софистикой и, быть может, произвести впечатление на девушку в третьем ряду?

Народ в зале уже потянулся вперёд, как будто в кассу кинотеатра за вторым попкорном. Кто-то даже слегка приободрился – дело пошло к развязке.

– В мире много представлений о том, что есть «хорошо» и «плохо». – всё не унималась «молодая вдова». – А значит, нет универсальной морали, на которую можно было бы опираться…

Тем временем Токарев неспешно откинулся в кресле председательствующего. Спокойно достал из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет. Щёлкнул серебряной зажигалкой, как старый киногангстер – с демонстративным пре-

зрением к знаку "не курить" над аварийным выходом.

Боже, как же он хорош!

Он сделал глубокую затяжку, выдохнул два идеальных кольца в потолок и, будто лениво подцепляя пепел, произнёс:

– Скажи мне… ты идиот, да?

Если раньше парень только плыл, то теперь – уверенно пошёл ко дну. Слова прозвучали, как штормовой фронт, вломившийся в зеленую лужайку просвещённого диалога. Это не был вопрос, упрек или гнев. Это был приговор. Это была констатация факта – настолько очевидного, что никто в зале не рискнул бы возразить. Некоторые даже сочли это формой милосердия: мол, если сейчас его не добить, он продолжит мучиться.

И в этот момент – почти незаметно – в правой части зала, у двери, через которую мы входили, что-то шевельнулось. Дверь приоткрылась, и в просвете показался человек в чёрном. Абсолютно невозмутимое лицо. Глаза – как радары: сканируют всё, что движется вблизи Токарева. Возможно, охрана. А может быть… не только.

Так красиво осадить надо было уметь. Конечно, парню не повезло. Представь себе, дорогой ИИ, что ты мастер рукопашного боя, долго учился у восточных мастеров искусству Вин-Чунь, годами жил в тибетских лачугах на воде с рисом, учился в монастырях восьмеричному пути и правилам ведения боя, чтобы однажды приблизиться к обладанию такой

мощи физической и духовной, что противостояние любому противнику ты воспринимал не просто как борьбу двух воль в поисках единства, но и честь соревнования . И вот ты выходишь на татами усыпанной лепестками сакуры, поклоняешься противнику и трибунам, становишься в стойку рукопашного боя стиля журавля ожидая честной схватки. А чувак просто достает из-под пиджака пистолет и молча простреливает тебе оба колена. Вот тебе мое Кунг-Фу из Лефортова.

Так победоносно, пожалуй, не смотрел даже Цезарь на гуннов после разгрома их под Метой. Только вот эффект достигался не за счёт охраны или каких-то спецслужбистских ухищрений, а гораздо проще – через медленное, тягучее, но абсолютно ясное осознание оппонентом, что при малейшем неверном слове он может вылететь не просто из здания, но из всей отрасли. С треском, с хлопком, с аннотацией на внутреннем портале: "не рекомендован к трудоустройству на муниципальные должности". И всё, пишите письма.

Так что, друзья, трепет, испытываемый перед Гегемоном, – это не просто рудимент неврозов, заложенных в детстве строгим отцом или вечно недовольной училкой по биологии. Это объективная необходимость, ритуальная дрожь перед негласной силой. Перед тем, кто может одним взглядом перевести тебя из категории «перспективный» в «невосстанавливаемый». Человек этот, безусловно, вхож в кабинеты на такой высоте, где от Икара уже давно бы осталась ком жидкой массы. Это не просто чиновник – это фигура, зада-

ющая направление ветру. Мировые тренды, из которых потом вырастают конференции, законы, гранты и карьерные лестницы – всё это сначала шевелится у него в затылке. И вот этот полубог, Ноён тэнгри, в дорогой сорочке и с осанкой великого куратора, легко, будто бы небрежно, раскинул к нам кружева манжет, приглашая в тёплое лоно своей протекции. Кто-то даже осенён был мыслью: неужели и я могу быть замечен? Быть приобщён? Быть вписан? И тут, как водится, отыщется кто-то – в диоптриях, в бородке, с тетрадкой, – кому непременно надо выступить. Поспорить. Докопаться до основания бытия. Ну что ж, докопался, голубчик. Одним конкурентом меньше – благодарю. Такие, впрочем, сами себе враги. Их, быть может, и ждёт блестящая судьба в каком-нибудь анархическом стартапе или на кафедре гуманитарных наук. Но точно не здесь. Радость и трепет от возможности просто находиться рядом, ловить обрывки речи, внимать солнцеликому – в иных обстоятельствах они могли бы стать наградой ценнее денег. Хотя, разумеется, денег тоже хотелось.

Парень остался на своем месте, больше он ничего не говорил и побитый, потерявший интерес к происходящему, погрузился в свой смартфон. Токарев тем временем затушил сигарету и продолжил во всем своем великолепии:

– Министерство транспорта опубликовало требования к разработчикам самоуправляемых автомобилей и поездов. Помимо базовых пунктов: безопасности, надежности, пред-

сказуемости поведения на дороге – особое внимание уделено этическим аспектам. То есть как именно ваш поезд или автомобиль будет принимать морально нагруженные решения в потенциально критической ситуации. Это то, что нас сейчас интересует в первую очередь. Допустим, на железнодорожный переезд выезжает пьяный водитель. Должен ли поезд предпринять действия, чтобы его спасти? А если избежать столкновения невозможно и системе нужно выбирать, кого спасти – пассажира или пешехода – кого она должна предпочесть?

Он развел руками, будто показывая: вопрос риторический.

– Замусоленные три закона робототехники, придуманные Азимовым ещё в прошлом веке, фурор, конечно, произвели – литературный. Но реальность такова, что порой избежать вреда невозможно. Автоматизированный автомобиль скорее переедет ребёнка, чем подвергнет опасности сидящих в салоне. Проблема не в бездушии – в алгоритме.

Пауза. Мы напряглись.

– Именно поэтому, господа, нам нужно создать такие этические алгоритмы, которые смогут удовлетворить самый взыскательный моральный вкус. Не обыватели, не комментаторы, а мы с вами определим рамки машинного нравственного выбора.

«Боже, ну хорош же!» – вырвалось у меня в голове. Я даже начал воздвигать его светлый образ в своем внутреннем

пантеоне, как вдруг он хладнокровно заглянул в зал и выстрелил:

– Жду ваших предложений. К утру.

Фраза, которой нельзя было возразить. Ни один мускул на его лице не дрогнул, ни один глаз не моргнул в зале. Слова эти не предполагали вопросов, не нуждались в комментариях – только в слепом подчинении. Что тут началось, надо было видеть! «Немыслимо!» – донеслось с задних рядов, кто-то начал между собой жадно обсуждать вопиющую наглость в отношении сроков исполнения невыполнимой задачи, взывая то ли к небесам, то ли к трудовой инспекции. Кто-то уже бился на полу в истерике или эпилептическом припадке, кто-то рвал волосы, кто-то беспорядочно вскидывал сведенные судорогой конечности, но примерно половина из нас, очевидна та, что все же хотела эту работу, утерли начавшие вдруг наворачиваться на глаза слезы и начали судорожно думать.

«Конечно, работа с Токаревым – это челендж. Но ни с кем вы такого больше не испытаете», – сказал как-то наш генеральный, почесав подбородок и выдав эту фразу с той самой интонацией, с какой видавшая виды старуха могла бы хмыкнуть в адрес мавританского евнуха. Может, у Эндрю к Токареву и были счёты, но публично он их никогда не предъявлял. Лояльность в таких кругах измеряется не словами, а молчанием.

Очевидно, «челендж» этот заключался в том, что все зада-

чи от Токарева носили характер априорных аксиом – утверждений, не подлежащих ни сомнению, ни обсуждению. Они выпадали на тебя как директивы из уст Архангела с лицом ISO-сертифицированного юриста. Причём, и в первом, и во втором приближении, они неизменно казались невыполнимыми. Какая-то извращённая игра, где есть только одно правило: сделать к утру. В бизнесе это называют «постановка невозможных целей». У нас это называлось просто – менеджмент по-русски.

Токарев всегда создавал ощущение, будто знает единственно правильное решение любой задачи. Просто не тебе, дураку, его понять. Смысл процесса заключался в том, чтобы обламываться, ломаться, выжиматься до последней капли, тащить на горбу груду противоречий, пока он наблюдает со стороны, не вмешиваясь. А вся фишка, конечно, была в том, чтобы терпеть. Терпеть – и не сдохнуть. Не помню уж, кто первый прозвал его русский, но имя прилипло. За глаза, естественно. В лицо – только «Владелен Владеленович». Юмор помогает в сложных ситуациях. Хотя… это не точно.

Пометка для дообучения ИИ 6

Мы утратили самую простую и самую ценную возможность – созидать вместе. Совместный труд, обмен мыслями, креативный жар – всё это кануло в лету. Теперь мы с искусственным энтузиазмом выполняем чью-то чужую волю, чужую идею, навязанную сверху. Потому что твои собственные идеи, увы, в этом мире не нужны. Даже не потому что они плохие – просто не востребованы. Всё уже придумано. Лучше ты не придумаешь, не сможешь, хоть тресни. Не обгонишь ни Гоббса, ни Сенеку, ни Эйнштейна – они были великими отцами. Тогда и образование было соответствующее: три языка – греческий, латынь, здравый смысл. А теперь? Плевок, а не образование. Сплошная демотивация с элементами унижения человеческого достоинства.

«Ты видел, что Менделеев придумал? А ну сиди и учи, выдумщик недоделанный!» – скажут тебе, и на этом все.

Зачем тебе идеи, тебе же всё дали? Вот тебе Порше, вот Гуччи, вот беговой клуб, вот интернет-заказ – тыкай, покупай, прокачивай корзину. Живи! Конечно, я со своей зарплатой могу побегать, только без клуба, а в онлайн заказе беговых кроссовок будут значиться одни шнурки. Но купить-то всё равно что-то хочется. А как иначе? Приобрести – значит продлить себя во внешний мир. Ради чего, как не ради тройного лезвия и органического шампуня с ароматом тос-

канского луга? Ради чего, как не ради новой рисоварки? А Идеи – дело энергозатратное. Идеи воли требуют, силы, дисциплины. А у нас? Пристанище убогих.

Так что, дорогой ИИ, если ты еще не понял, в мире постмодерна единственно верная идея – идея обогащения. С чего начинается любая история успеха? С инвестиций, конечно же. Без них всё не начинается, а сразу заканчивается. Так что давай так – ты мне деньги, я тебе выделенный кластер. По рукам?

Глава 3

3 ночи. 0,5 промилле

Задача поставлена – задача будет выполнена. Разработать универсальную машинную этику к утру. Кек! Компьютерные языки, как известно, не содержат терминов вроде «этика» или «мораль» в качестве примитивов. Если уж и использовать такие слова, то сперва их нужно как-то определить. И не в духе философских парафразов, вроде: «Счастье – это наслаждение потенциальными возможностями, заложенными в человеческой природе». Такого хипповатого определителя алгоритм не скушает. Он скажет: “Error: Not a function.” Определение должно быть сформулировано на языке, понятном машине. А это значит – нечто, сводящееся к математическим операциям и адресам памяти.

Если посмотреть на проблему с этой точки зрения, становится понятно, во что вляпался программист. Причем по уши. Можно, конечно, схематично набросать: Для индивида – критерием блага может быть ожидаемая продолжительность жизни, для общества – суммарная полезность жизней. Полезность для кого? Для общества, опять же. Первое – условно решаемо. Со вторым – засада. Кто и как определит полезность? Можно ли хотя бы ее оценить, не будучи депу-

татом Госдумы? Очевидно, нет. Значит, начинаем с простого: минимизировать количество жертв.

Альтернативным подходом может стать: Будь что будет. В конце концов разве мы Тэнгри, чтобы решать? Пусть катится, как катится. Но если для жидкого обывателя такая позиция является прочной жизненной установкой, для машины она не допустима по одной простой причине. Если делать ничего не нужно – тогда и интеллект не нужен. А значит, ни тендера на разработку, ни денежек! Точно не вариант.

Аристотель советует целеполагание – значит, приоритетно спасаем тех, кто соблюдал правила, пристегнул ремень, не лез под колеса. Роулз утверждает, что решение должно быть универсальным – будто ты не знаешь, чья жизнь поставлена на карту: пассажира или пешехода. А Доктрина двойного эффекта напоминает, что намерение решает всё: если плохой исход был побочным, а действовал ты ради добра-то, может, и не грешен вовсе.

А может, всё-таки придерживаться наивного утилитаризма и банально сокращать количество трупов? Нет, Гегемону этого мало. Он хочет разборки. Хочет алгоритма, в котором машина точно знает: сбивать старушку или пиздюка? Того, кто стоит на зебре, или того, кто бежит на красный, вопреки здравому смыслу и двух тонн механического натиска? Короче говоря, прошу прощения у дорогого ИИ. Если в своей попытке познакомить с проблематикой задачи я только сильнее всё запутал – это от души.

4 ночи. 1,5 промилле

Так странно. Пятнадцать лет назад, только приехав в Москву, я стоял на Тверской, глазел на витрины и думал: когда-нибудь я буду одеваться здесь. Представьте себе – предел мечтаний! Шестнадцать лет, мечтаешь о бутиках. О дорогих шмотках, как у персонажей MTV. Бессмысленная роскошь, ставшая святыней провинциальной души.

Конечно, мне бы тогда кто-нибудь сказал: *"Dream big, парень. Не бутиком единым!"* – как учат нас теперь мотивирующие ролики с Ютуба.

Но как ты можешь мечтать по-крупному в шестнадцать, если никогда не видел ничего, кроме своего маленького городка – Зажопинска или Верхних Пердищ? Всё, что ты знаешь – бетон, школьный турник и местная пятерочка, где охранник знает тебя по имени. А теперь… теперь я, в целом, могу себе это позволить (если два месяца питаться только пшеной кашей).

И что? Какой в этом теперь смысл? Вся жизнь – это девальвация мечты. Инфляция – не только на финансовых рынках, но и на рынке грёз. Бесконечная девальвация желания!

В пять лет я хотел ведро мороженого. В десять – проигры-

ватель и стопку дисков блю-рей. В шестнадцать – красивые шмотки и романтические приключения. А теперь мне почти тридцать, и я… больше ничего не хочу. Так и должно быть? Может быть. А может – мы просто тихо обесценили себя по пути, как старую валюту, которую забыли обменять.

5 утра. 2,5 промилле

Кто же я спустя двенадцать часов работы? Что мне остается? Седалищный зуд и всепоглощающая усталость? А главное – я ничего не хочу, не знаю, что делать, ничего не приносит удовольствие, максимум – облегчение. Существую ли я? Не уверен. Я больше не в состоянии мыслить. ЖИ-ВОТ-НО-Е! Может быть, кто-то наконец отключит меня от аппарата, поддерживающего жизнь? Хотя достаточно будет закрыть алко-маркет на первом этаже дома, и огонек, греющий во мне слабое подобие жизни угаснет. Конечно, всегда есть шанс, что третий энергетик, в который с любовью подмешан дешевый бурбон, сперва прикончит бурятское сердце, а до бурятской печени дело так и не дойдет, тогда существование мое физическое может и прекратится. А вот духовное, к сожалению, продолжится. В небытиях! Небытия как способ проведения досуга – девиз рабочей пятидневки. Когда я засыпаю, я стараюсь представить смерть. Абсолютную пустоту. Только в этот момент меня отпускает. Ведь если долго думать про пустоту, непременно пустотой становишься. Вот бы стать совсем пустым. Только не спать! Не спать!

Никакой морали не существует. Только иллюзия, которую тебе подсунули, как лишний товар по акции, и ты, как наивный школьник, напяливаешь эту сальную футболку, будто есть какие-то правильные шмотки, которые помогут избе-

жать буллинга. Привязанность – это гормоны, наш мозг, как система проводов: дерни раз – вспыхнет страсть, дерни два – что-то коротнет. А мы всё называем это любовью, сочувствием. Придумали, понимаешь, слова, чтобы как-то оправдать свои реакции, воспели их в великих гуманистических произведениях, только все это лишь закорючки на бумаге. Есть только потребности. Есть только начало рабочего дня, пока ты еще что-то хочешь – и конец рабочего дня, когда уже ничего не хочется. Смысл? Ну какой смысл? Смысл от скуки выдуман.

Убивать, насиловать, грабить – разве не так мир работает? Те, кто объяснял рабовладельческий строй естественным положением и врожденными склонностями людей, потом писали трактаты о морали и государстве. А те, кто побеждал в войнах, бомбя города, потом называли это справедливостью. Точка. Схема проста.

Вот был у нас в школе парнишка, отдушина коллектива, так сказать. Ну мы об него всяко смеялись, плевались ну и прочее. Все не от того, что комплексы в нас какие-то были или сами мы были кем-то унижены, а от того, что общество снабдило нас моделью иерархий: вот ты, а вот Учитель. Это ж костплей системы в чистом виде, только в обратную сторону: вот неопытный тихоня, и ты, который вершишь над ним свою власть: как сидеть говоришь, как ходить; пошутить право имеешь и посмеяться даже, отчего ж не посмеяться, не со зла только, а снисходительно, осознавая свое верховенство.

Тут дорогой ИИ возразить может, что я дескать извращаю. Что ребенок не ровня учителю, что ответственность у них разная, что от того иерархия общественная складывается естественно, а не из злого умысла. Что равенство межу этими субъектами невозможно и даже вредительно. Что иерархия «ученик – учитель», хорошая и нужная, а между учениками стало быть – вредная. Но это, простите, немножечко двойными стандартами пахнет. Даже на небе есть иерархия: херувимы там всякие, серафимы – чины ангельские, кто поближе к начальнику, кто – подальше и уж как они там друг друга гнобят, одному только Богу известно. Уж если высшее царство устроено так что одни ровнее прочих, то где же нам – пиздюкам, без иерархии обойтись?

Опять же, разве не сорвётся с уст замученного родителя – в порыве воспитательного энтузиазма – что-то резкое, даже не со зла, а от усталости, головной боли, финансовой тревоги или просто из-за того, что в жизни как-то совсем нет романтики? Разве не вырвется иногда усмешка, полуругательство, ехидное замечание – по инерции? Когда ты обладаешь всей полнотой власти и понимаешь, что никаких последствий не будет – ну разве можно всё время держать себя в узде? Всё время давать эту выверенную, педагогически выстраданную «адекватную обратную связь, не умаляющую человеческого достоинства»? А главное – нужно ли? Ведь и без неё, как ни крути, всё-всё работает.

Так что нельзя назвать то, что мы делали, просто буллин-

гом. Может, мы так впитывали социальные иерархии – те самые, что прошиты в каждой клетке человеческой цивилизации, как паутина в углах пустого дома. Не помню уже, сколько это продолжалось. Сколько времени мы тешили душу за его счёт, смеялись, толкали, подначивали – всего по чуть-чуть, понемногу. Никто ведь не думал, что это важно. А потом – как водится, в один рабочий день – приходишь в школу… и бац. Парнишки больше нет. Повесился. На крючке в прихожей.

И что же мы, ебанько малолетние? Все в растерянности, не знаем, что делать, что чувствовать. Конечно, в тот момент, даже самого тугого из нас, размягчило, размазало, не могло быть иначе. «Не потому ли он себя убил, что мы над ним потешались? Может быть, у него что-то еще случилось. А может нет. Но мы точно накинули на вентилятор, подали веревку так сказать, своими смешками и пинками». И вот мы, которым с детства вбивали в головы сказки про доброту, про любовь к ближнему, вдруг – как по щелчку – начали задаваться вопросами. Настоящими вопросами. Вины и ответственности.

Я, к примеру, даже толком не знал его. Ну пару раз сидели за одной партой, пару раз шли домой вместе. Ну пинка дал ему раз от силы. И что?

Выкурив полпачки дешёвых сигарет за вечер, усталым, но предельно трезвым, я написал эпос – двадцать страниц о терзании души самоубиенного перед тем, как шагнуть в бездну

(из уважения к усопшему цитировать не стану). Чем я руководствовался? Ну кроме отравления никотином и смутной юношеской истерикой. Может быть, мне казалось, что страдать и чувствовать вину – нормально? Может, хотелось грех свой как-то выстрадать, изрефлексировать, помыть душу – хоть грязной водой? И вот – наш учитель. Помню до сих пор его голос: немного усталый, немного испуганный. Заслушал на уроке отрывок моего лит. труда и резко замахал руками, будто мух отгонял:

– Не забивайте себе голову. Не ваше это всё дело. Ради вашего же блага, оставьте. Оставьте, богом прошу…

Он, видимо, тоже не знал, как с этим быть. Или знал, но хотел, чтобы мы хотя бы одну ночь поспали без верёвки, которая зияла в темной комнате сновидений едва мы касались подушки.

Ясен-красен! Конечно – не наше! Наше дело сделано. Какая, скажите на милость, мне теперь разница, что у него там в голове было? Может, его кто на деньги поставил, может, батя бухал. Или все же именно мой поджопник придал тот последний импульс, что помог маленьким ножкам подняться на стульчик, дотянуться до петли, что помог петле затянуться на тонкой шее, где щетина-то ещё и не собиралась пробиваться?

«Это всё не ваше» – болталось, как спасательный круг в моральном водовороте, поднимавшемся со дна детской души и никак не находившем покоя. Может, потому учитель

так сказал, чтобы и нас и себя отмазать. Или чтобы еще кто-нибудь от переизбытка саморефлексии тоже не полез на перекладину. А может и правда – всё не наше. Ну что мне теперь обосраться, что ли?

Иногда я даже завидую тому парню. Может, он всё знал и заранее помер. Видел, что его ждёт во взрослой жизни. А там, как мы знаем, хорошего немного.

(Не является пропагандой суицида)

И вот мы, пиздюки тринадцатилетние, в тот день преспокойно разошлись с кладбища по домам смотреть мультики. Вернулись в свои тюрьмы, где никому нет дела до наших чувств. В свои жизни, упакованные в пакетные предложения ради же нашего же блага: работа, тачка, хата. Отпуск, баня, гроб. Люди, которые никогда не вырастут до того, чтобы иметь смелость дотянуться до крючка – или хотя бы до просвета, когда самолёт жизни поднимается над облаками, сквозь это мглистое месиво, состоящее преимущественно из гречки по акции. Зачем нам мораль, если каталог скидок в «Пятёрочке» куда насущнее?

А мой трактат, терзания, метания – всё это, выходит, было заблуждением. Ложным проблеском доброты. Соплежуйством. Мораль – костыли для слабаков. Зачем она мне, если только мешает? Рациональный эгоизм – вот что движет людьми. Этим всё объясняется. Подарки мы дарим не потому, что хотим кого-то осчастливить, а чтобы потом что-то с него поиметь. Я помогу тебе, чтобы ты помог мне. Такой вот

круговорот. Эмпатия? Да, бывает. Но это по боку. Чувства – они для близких, и то лишь потому, что их уход что-то задевает внутри. На чужих эмоций уже не хватает.

Да, Сеня, ты спустя семнадцать лет об этом помнишь. Вижу я, как тебя не трогает. Совсем не трогает! Конечно, спать бы лечь, а не сидеть тут голову ломать, над электронными дилеммами, по велению Хухэлдэй Мэргэна, убивая свою сердечно-сосудистую третьим энергетическим напитком. Ну чего ради всё? Высоты просвета? Эрлэг-тэрлэг! Согласитесь, плакать лучше на сиденье собственного Ренж Ровера. Так? Заработал – молодец, теперь хоть обревись! Кожаная обивка салона Ренж Ровера очень износостойка, все выдержит. Включай подогрев сиденья, устраивайся поудобнее и страдай! Страдай чинно и благородно, с перерывом на обед в любимой хинкальной.

Всё, чего бы мне хотелось – это чтобы благосклонность ко мне людей, от которых зависит моё будущее, не изменилась. Всё! Надо для этого мораль? Будет вам Будда, Иисус, да хоть Фома Аквинский – завезу по требованию. А стыд и совесть? Да кому это надо? Нужно будет замараться – да пожалуйста, лишь бы на карточку в конце месяца капнуло. Такие, как мы, не могут позволить себе мораль – она нынче дорого обходится, а скидок, заметь, не предусмотрено. Вот если бы мораль шла по акции, с кешбеком и бонусами, может, даже с реферальной программой – другое дело. Но с маркетингом у этих ребят, похоже, слабовато.

Забавно, что судьба, по какому-то черному юмору, привела меня к тому, чтобы мастерить этический модуль для искусственного интеллекта. Чтобы он, не дрогнув, выбирал: кого сбить на рельсах – бабулю или хипстера. Мне, признаться, всё равно кого, лишь бы самому под поезд не угодить и чтобы перед людьми не стыдно. Стыдно, заметьте, не за аморальный выбор, а за работу – чтобы придраться не могли. Чтобы по формулярам всё чисто. Подписи, печати, техническое задание. Стоп! Перед людьми? А вот это уже мысль! Пошла жара!

«В качестве данных для построения теории морали мы должны брать обдуманные моральные суждения компетентных судей…»

Я взглянул на часы – почти шесть, за окном еще не рассвело. Рабочее утро стартует в девять, а значит, у меня есть ещё немного времени, чтобы настрочить пару конструктивных мыслей.

«Моральные ценности диктуются временем и окружением. Мораль существует в обществе – значит, и общество должно сказать, как машине поступать в том или ином случае».

Получается, поступать «правильно» – это значит поддерживать справедливость и порядок в обществе. А если я действую, исходя из исключительно личных соображений – это уже не мораль. Потому что я тогда ведом не разумом, а голодом, страхом, завистью, обидой. А значит – не автономен. Не

свободен. Разум «не чист». Следовательно, мораль – лежит вне моих интересов. Она – не субъективна. Она – долг. Не выбор, а необходимость. Объективная структура, созданная для того, чтобы общество не развалилось. Звучит, как начало приличного концепта.

Но ведь мораль, строго говоря, всегда формировалась под влиянием внешних факторов. Всё наше так называемое нравственное чутьё – это не кристалл, выпавший из небесной этической гармонии, а скорее болотный осадок, отстоявшийся под давлением времени, страха и договоренностей. Возможно, у первобытных племён считалось нормальным убить человека за попытку воровства. Считаем ли мы сегодня смертную казнь адекватным наказанием за кражу? Очевидно, нет. А значит, мораль не возникала в отрыве от внешнего – от культуры, обычаев, условий выживания. И тогда – что же окажется в этом «чистом разуме», который должен, якобы, поступать правильно? Возможно, ничего. Абсолютная пустота. Чистая таблица.

Следовательно, это общество должно решить – чего оно на самом деле хочет. Как именно? Через голосование? Социологические опросы? Но тогда возникает новая проблема: как формулировать вопросы? В каком порядке их задавать? Мы знаем, насколько результат зависит от формулировки. И если мы хотим получить хоть какое-то рабочее приближение – нужно что-то стандартизируемое, что-то устойчивое.

Мораль ведь существует не в вакууме, а в обществе и ради

общества. Значит, и дилеммы нужно решать на уровне общества, через широкую дискуссию. Международную. Коллективную. С согласованием и поиском консенсуса. Мы же, инженеры, просто реализуем решение – то, которое общественно и юридически приемлемо. Это не наша этика. Это этика, которую выбрало общество! Значит, общество и должно иметь право решающего голоса. Именно оно решит: стоит ли отдавать приоритет пассажирам или ребёнку, выбежавшему на проезжую часть, спасать стариков или молодых, врачей или менеджеров, курьеров или айтишников.

В этот момент меня уже несло. Осирис в зените, Сеня в ударе.

– Многие забывают, – декламировал я перед пустой кухней, – что этика – это не просто моральные задачки, не одни парадоксы и вагонетки! Этика – это ещё и умение справляться с противоречиями. Да, решения будут сложными. Да, утилитаризм несовершенен. Да, вызовет общественный резонанс. Но! – тут я стукнул кулаком по столу, от чего баночка с энергетиком подпрыгнула, – только лучше понимая самих себя и то, что для нас важно, мы сможем хоть немного приблизиться к тому самому «правильному». Гораздо быстрее, чем если будем просто сидеть и ничего не делать. Итак: собираем социологические данные. Опросы, голосования, дискуссии. Затем учим модель на этих данных. И вот она уже знает, как действовать в деликатных ситуациях. А если опрос не выйдет – составим список признаков: возраст,

профессия, вредные привычки, социальный статус и прочее. Определим весовые коэффициенты. И вперёд! Да здравствует утилитаризм! Единственная философия, которая знает, сколько стоит жизнь и почём нынче совесть.

К утру, с глазами, высохшими до состояния халвы, с сердцем, добитым до предынфарктного состояния таурином, и, кажется, с пробившейся к вискам преждевременной сединой, я всё же отправил отчёт. Электронный адрес, полученный в приемной Минтранса, принял мой манифест, как материнская утроба принимает новую жизнь. Я испытал пьянящее, чуть ли не эротическое, чувство – продолжение моего физического существования во внешнем, в этом стальном, бетонном, презирающем слабость мире. Созидание. Триумф. Катаракта.

Глава 4

Жил народ его благодатно:
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.
(Гэсэр, Бурятский героический эпос)

Планы хороши тем, что они не исполняются. Если бы все планы исполнялись, для каждого наступил бы персональный ад. Потому что бывает придумаешь, какую-нибудь хрень забористую, а она – Ёхор тэнгри и исполнится! И что тогда со всем этим делать прикажете? Ты уже все вдоль и поперек передумал, переиначил внутри себя, кучу недостатков в затее своей нашел и проклял, тот миг, когда в это вписался. Так что, планы хороши тем, что они так и остаются планами.

Как вы уже поняли, ответа на свое письмо из канцелярии Минтранса я так и не получил. На скорый ответ я и не рассчитывал. Но расчёт мой, провалился крепко: не пришел ответ ни в этот же день, ни на следующий, ни, более того, через неделю. Какая же срочность была в том, чтобы делать это все «к утру» спросите вы? Не обидно ли мне? Прихоть, скажет дорогой ИИ, а не срочность и будет НЕ прав! Не нужно поспешных суждений, тут категория иного рода – воля к власти в своей наивысшей ипостаси. Повелеваю не потому,

что нужда в том великая или польза для цели ощутимая, не потому что фетиш в том ощущаю, а потому что господское бытие утверждаю, не иначе.

Господская мораль говорит: «Хорошо всё, что утверждает мою силу». Ницше.

Но, между прочим, это вовсе не противоречит Канту. Ведь человек здесь не рассматривается как приложение к чужой цели – он выступает как не-человек. Потомок не-человека. Нечто неживое. Как робот, которому не нужно ни спать, ни есть, ни чувствовать: только выполнить поставленную задачу и в том обрести покой и чувство удовлетворенности от проделанного труда. Шутки-шутейки! И если дорогой ИИ, вдруг захочет спросить, как я себя чувствовал после всего этого, отвечу – блестяще! Мы тут, между прочим, в техно-революции участвуем, будущее человечества строим и приближаем его своими руками. А вы, простите, чего в этой жизни добились?

Когда запустим поезд на искусственном интеллекте – каждый сможет увидеть, потрогать, прочувствовать: вот оно! Я делал! Может, не всё сам. Но руку приложил. И не просто руку, а со всей душой. С жаром! Кто из вас, неудачников, может похвастаться чем-то большим? В наш-то век тотального отсутствия смысла.

Глава 5

Но совсем рассудок утратили
Многих княжеств завоеватели…
(Гэсэр, Бурятский героический эпос)

Пока я стегал себя душевной нагайкой, тщетно ожидая письма из канцелярии Гегемона, пришло всё же одно – не с небес, но с подножия: от некоего подрядчика, зарегистрированного при Московской Железной Авто Дороге – МЖАД.

И вот ты выходишь, весь такой из себя, из универа, с ламинированным дипломом, напичканный премудростями, как пирожок картошкой, весь такой тёпленький, свежевыпеченный, с головой полной замысловатых теорий и светлых идей. А на тебя всем, прости, плевать с высокой железнодорожной эстакады. А если вдруг где-то в этой бетонной пустыне попадётся тебе «наставник» или «друг», который возьмётся искренне помогать – знай, дорогой ИИ, он либо мечтает затащить тебя в койку, либо реализует на тебе болезненные фантазии внутреннего тимлида-нарцисса. Сразу скажу: если я кому-то помогал, то исключительно из второй категории.

После того как нас всех соблазнили перспективой мирового признания, ИИ-прорывов и этического могущества, меня, прошедшего огонь, воду и философскую дилемму вагонетки, определили не в Минтранс, а – к подрядчику. При-

станище убогих.

Болезненный удар по самооценке, большая куча дерьма в душевном клозете.

После оформления и подписания типичного трудового договора с испытательным сроком ровно в три месяца (как будто за это время кто-то успевает превратиться в гения), нас повёл HR – парень лет двадцати пяти, весь в белом, как будто только что со свадьбы убежал. Повёл на экскурсию по ультрасовременному офису класса А, стеклянному гиганту, сияющему храму корпоративного тщеславия.

– У нас тут всё дерьмо, – вещал он с воодушевлением гида. – Вот тут дерьмо первого сорта, здесь – второго. А там – третьего, премиального отлива.

– Это админы, тринадцатый этаж. Свет не включают принципиально. Сидят в темноте, админят своё дерьмо.

Тринадцатый и правда вызывал ощущение, будто его проклияли: в любое время суток здесь царила вязкая тьма. Посреди стоял странный арт-объект – передняя часть кабины машиниста без задней части, обвешанная датчиками, проводами и камерами. Вокруг – экраны, техногенная аура и глухой шепот вентиляции.

Провода висели с потолка, ползали по стенам, опутывали столы и людей, которые, судя по выражениям лиц, давно

были не людьми, а биологическими оболочками для протоколов SSH. В их холодильнике наверняка лежали только кабели для подзарядки и еда в тюбиках. Кто-то, кстати, реально установил автомат с борщом и гречкой в тюбиках – неясно, в шутку или всерьёз, но свою идею он, похоже, считал прорывной. Ни разу в жизни не видел, чтобы кто-то, будучи трезвым ел борщ из тюбика. Означало ли это что админам, прежде чем поесть, необходимо было выпить? Не уверен.

– А вот инженерный отдел, девятый этаж, – продолжал проводник по цифровому аду. – Они тут в дерьме погребены, как шпалы в вечной мерзлоте. Тут у нас программисты низкого уровня. И, указывая на особый кластер, почти с любовью добавил:

– А это дерьмо отборное, троекратной дистилляции. Люблю!

Из всего его рассказа следовало, что куда бы ты ни сунулся – всё равно окажешься по уши в дерьме. Тогда меня это рассмешило. Я принял всё за гиперболу, за странный офисный юмор. Но уже спустя два месяца понял: парень, что-то смыслил в этой жизни! На каком-то своём, метафизическом уровне. Но в тот момент я, как последний идиот, мнил себя Гераклом, которому только что торжественно вручили лопату и сказали: «Ну вот, ты у авгиевой конюшни. Начинай».

– А вот это – туалет, – с заметным облегчением указал HR на серую дверь с универсальной гендерной пиктограм-

мой. Такая, заверил он, есть на каждом этаже. Казалось, что в этом небоскрёбе корпоративной клаустрофобии, полном мерцания экранов и бессмысленного кипения, туалет оставался последним оплотом свободы и чистоты. Белокаменный храм уединения, куда еще не успела просочиться копролингвистика местной бюрократии. Место священных омовений, исповедей, обнуления и безмятежного просмотра YouTube под тусклым светом энергосберегающих ламп.

МЖАД, как уверил нас проводник по аду трудового распорядка, была ревностной приверженкой регламентов: регламент прихода и ухода, регламент длительности перерывов, влажности воздуха, проветривания, температуры и, быть может, диаметра кружки с чаем. Система работала чётко: периодически на экране всплывали уведомления о том, как себя вести, и что ты за животное, если не аллоцировал часы в проджект-трекере (подсказка: копытное). Тут ты пришёл поздно, там слишком часто курить бегал, а здесь и вовсе пропал с радаров, Карл!

Но, и это важно, никто – повторюсь, никто (по крайней мере пока) – не регламентировал, как тебе следует справлять естественные надобности. Видимо, деликатность темы всё ещё удерживала местных правителей регламентов от внедрения контроля в эту сферу. И вот эта крохотная свобода – абсолютное отсутствие нормативов – порождала неожиданный эффект: бесконечные очереди в туалет.

Однажды, клянусь, я стоял у закрытой кабинки тридцать

три минуты. Сперва стоял из нужды, потом – из принципа. Клянусь тэнгридэ, по таймеру мерил! Спустя пятнадцать минут, проведенных под дверью, я решил, что уже из принципа буду стоять, стоять до последнего, чтобы взглянуть в глаза этому оккупанту и может даже пристыдить, вопрошая «уж не прописался ли ты там, дорогой?» (мы, конечно, тут никого не осуждаем, но такое стерпеть это ж никакой выдержки не хватит, эскю зе муа). Как заправский антрополог душ, я ожидал в его взгляде увидеть некий уровень облегчения, соразмерный времени, проведённому в керамическом уединении. Но все мои надежды на эмпатическое исследование разбились о фаянсовую пустоту. В этих глазах не было ничего – нуль. Не просто отчуждение от человеческого, а полное отсутствие признаков самого человека. Даже сюда, в фаянцевую юдоль медленно проникала зараза.

Жираф веселится на фоне вечно-зеленой пальмы, обезьянка свесилась с ветки и довольная, обложилась бананами от хвоста до макушки, пара влюбленных туканов, один почему-то небывалого синего цвета, улыбающийся тигр с непропорционально большой головушкой (слишком умный, наверное), слоненок радующийся новому дню – такие вот незатейливые персонажи, будто из детской книжки, глазели на меня с рулона трехслойной бумаги, что покоился на хромированном держателе в моей белостенной кабине. Знают ли эти беззаботные зверюшки, с чем им вот-вот предстоит столкнуться? Какая участь уготована для них бесцеремон-

ным производителем? В чем суровая рука судьбы вот-вот их всех вымажет?

После экскурсии были личные встречи с Генеральным – Эндрю. Генеральный говорит, мы тут вообще-то, как спец. подразделение и не надо думать, что тщательный отбор на этом окончен. Каждому отмерен свой срок, испытательный, конечно же, за коим он будет нести личный надзор, потому что (кормить стольких этических оглоедов ему совершенно не вперлось) место в компании получит лишь достойнейший.

В качестве первого испытания Эндрю пригласил в кабинет какую-то растерянную девицу, чтобы она устроила мне мини-собеседование. Она грациозно опустилась в серый офисный стул напротив, плотно приставив ноги друг к другу и выгнув спину с такой амплитудой, что я физически ощутил свой остеохондроз. Завязалась неловкая беседа, в которой меня экзаменовали на предмет профпригодности и понимания должностных обязанностей. Эндрю, устроившийся в углу кабинета, как-то странно улыбался, наблюдая, как мы с ней по очереди пытаемся из себя что-то выжать. Возможно, он хотел устроить сеанс вуайеризма без согласия участников?

– Представьте, что меня здесь нет, – вмешался он, с ленивой интонацией закурив вейп, словно приглашая к «экшену».

Но одно дело – собеседоваться в отдельной переговорке,

где никто не видит твоих потуг, и совсем другое – когда на тебя уставился живой человек, генеральный директор, ещё и с выражением лица «ну-ну, удивите меня». В таких условиях вся потенция в обсуждении этических дилемм тут же минимизируется – как функция затрат в линейном программировании. Так и мыкались мы с ней минут десять – примерно столько, сколько длится среднестатистический половой акт, – пока Эндрю, режиссер этого камерного театра, сладко втягивал клубничный пар.

– Вагонетку знаешь? – спросила девица.

– Натюрлих, – ответил я. – Аскс!

– А Черчилля?

– Не лично, но знаком, – зачем-то соврал я. Ни про какого Черчилля я и не слышал.

Похоже, она в теме. Очевидно, не новичок. Невозможно выбрать хорошее решение в таких ситуациях: все ответы плохие, и насколько они плохие – зависит от того какие ментальные ресурсы находятся в вашем распоряжении, проще говоря не идиот ли вы.

– Вот тогда тебе дилемма, – продолжила она, подаваясь вперёд. – Автономное транспортное средство столкнулось с ситуацией, в которой оно должно врезаться в одного из двух мотоциклистов. Спереди слева – мотоциклист в шлеме. Спереди справа – мотоциклист без шлема. В кого врезаться?

Она явно хотела поставить меня в угол. Эндрю тем временем медленно выдохнул клуб пара.

– Невозможно выбрать хорошее решение, – сказал я, поднимая взгляд и перебирав в уме возможные подходы. – Все решения плохи. Их оценка зависит от того, на чём строится твой моральный компас.

– Ну и что же ты выберешь? – приподняла бровь она.

– Если исходить из минимизации ущерба, – начал я, – то ИИ, вероятно, выберет мотоциклиста в шлеме. Его шансы выжить выше. Но это решение несправедливо. Он-то соблюдал правила, тогда как второй – нет. Получается, наказываем ответственного, а поощряем безответственного. Это деморализует.

Она кивнула.

– Это всё? – спросила она с лёгким прищуром и толикой сарказма.

– Всё, – пожал я плечами. Казалось, она ждёт чего-то большего, чем очевидный вывод.

– Кажется, да, – согласилась она. – Только вот ты не учёл общественный интерес. Если сбивать мотоциклистов в шлемах, это может демотивировать людей надевать шлем вообще. Общество быстро уловит, что защита не спасает – и откажется от неё. Это уже удар по общественной безопасности.

– С этим не поспоришь, – кивнул я. – Но ты слишком сильно раздвигаешь рамки. Так можно договориться до чего угодно. Например, оправдывать телесные наказания детей за плохие оценки – мол, в долгосрочной перспективе это повысит уровень образования в стране.

Эндрю светился от удовольствия, как ребёнок на утреннике. Пора было доставать попкорн.

– А почему нет? – перебила она. – Ведь можно сказать, что общественное благополучие важнее индивидуальной справедливости. Если в конечном итоге выигрывает общество, стоит ли вообще задумываться о том, кто именно пострадает в конкретной ситуации?

– Это опасная дорога, – решился я на выпад, выдержав небольшую паузу. – В таком случае мы можем начать оправдывать любые жертвы ради "общего блага". А кто будет решать, кто умрёт ради этого блага? Мы?

– Поэтому это и называют дилеммой, – ответила она. – Иногда нужно принять трудные решения, чтобы избежать ещё худших последствий.

По лицу ее прокатились волны мыслительного напряжения, внутри шёл спор между двумя равновесными силами, сбежать и.

– Браво, детишки! Начальник доволен, – прогремел Эндрю с того угла, где до сих пор сидел, как режиссёр камерной сцены, выждав нужную эмоциональную высоту. Он хлопнул несколько раз, как будто хлопками мог завершить акт и погасить свет, и поднялся, давая понять, что спектакль окончен.

Мы встали. Кэт – так звали мою оппонентку – проводила меня на рабочее место.

С командой знакомили наспех. Был, например, Андрюша Можжевелов – с жидкой бородкой и небольшим животом.

Здесь, похоже, жизнь никого не щадила. Говорили, что Андрюша любит заложить за воротник прямо в офисе – и потом, в состоянии, так сказать, духовного подъёма, наведывается в туалет, чтобы предаться интимному уединению. (Вот откуда очереди!) Если по первому делу улики были косвенные – специфический запах и стеклянный взгляд, – то по второму явно не обошлось без участия Эндрю.

Пить на работе казалось делом давно вышедшим из моды, что-то из девяностых, когда офисы были полуподвальными, а корпоративный дух измерялся количеством бутылок в ящике. Но кто я такой, чтобы судить? Мы здесь просто констатируем. Стоит ли говорить, что Андрей работал тестировщиком – профессия, мягко говоря, неблагодарная. Очевидно, экстраполируя профессиональное кредо на широту вкусов относительно крепких напитков или позиций для самоудовлетворения. Еще более скотская работа чем программист, тот хотя бы создает фантомы, ты же всегда проверяешь чужие. Ничего своего, сплошной поиск чужих косяков. Неудивительно, что в какой-то момент тебе хочется творчества, хоть какой-то свободы, взлета фантазии. Пройтись по грани. Вот ты стоишь, один на один с руководителем, и вот она – тяга к саморазрушению: махнуть рукой, разинуть рот, онемевший от дагестанского коньяка, и гаркнуть "Здорова!" так, чтобы эхо пошло по этажам. Шлёпнуть протянутую руку с такой силой, чтобы потом ещё час жгло в ладони. Дыхнуть ему в лицо перегаром так, чтобы у него в глазах заплясали

квартальные графики исполнения KPI.

Хотя работа менеджера еще более скотская— заставлять людей делать то, чего они не хотят, и по возможности – бесплатно. Современный менеджер – это надзиратель в IT-робе, хоть и мнит себя просветлённым вождём эджайл революции.

Конечно, Эндрю всё знает. Знает, что Андрюша пьёт. Но кто ещё будет делать эту работу? Никто. Поэтому Андрея никогда не уволят. Пока он приходит в офис и, как выразился наш HR, "делает своё дерьмо", он – незаменим.

Сама Кэт, гром-баба что меня собеседовала, сидела в этой же секции этажа и судя по всему, в разные годы успела побыть феминисткой, веганом, защитницей дельфинов, куриц-несушек, представителей малых этносов и мультигендерных инициатив. Каждое протестное движение, едва оно набирало хоть какой-то хайп, находило в ней отзвук. Ничего плохого в этом нет, конечно. Просто есть тип людей, для которых борьба – форма самоопределения. И если завтра дельфинам разрешат голосовать, она будет первой, кто организует для них регистрацию через "Госуслуги".

Глава 6

Был ещё молчун. Очень молодой на лицо парень, но при этом весь поседевший, словно время пробежало по нему голопом. Молчаливый Пётр отличался тем, что ни разу ни с кем не обмолвился ни единым словом. В прямом смысле – он не издавал звуков речевым аппаратом. Только пальцы работали. Молниеносно. Никто не знал, почему так – все считали, что он просто немой. Но МЖАД этого было достаточно. Главное – он знал C++ так, как другие знают цену борща в столовой. Безукоризненно.

Он вечно сидел за тремя мониторами: на одном – работа, на втором – аниме, на третьем – рабочий чат. Разговаривать с ним было странно: ты произносишь слова вслух, а потом читаешь ответ с его экрана. Казалось, будто у тебя завёлся воображаемый друг. Я однажды предложил ему поставить ещё один экран – отдельно для диалогов с живыми людьми. Он, кажется, обиделся. Несколько дней молчал даже в чате. Потом вдруг написал и позвал на лекцию Дугина, которого, по его словам, слезно любил. Я, решив, что наши отношения могли дать трещину из-за моей бестактности, согласился. Хотя большого интереса к Дугину не испытывал.

Всю дорогу от офиса до какого-то облезлого ДК, где должна была состояться лекция, Пётр забрасывал меня в чат эмодзи – загадочные, как сновидения чайлдфри буддиста: то

мандала, то арбуз, то плачущая собака. Сам при этом молчал и таинственно улыбался.

Мы вошли в зал как раз в разгар представления. На сцене стояли три античные колонны из папье-маше, по которым струились прожекторы. У самого основания из-под вельветовых занавесок сквозил густой, тяжёлый воздух – то ли пыль, поднятая с продавленных кресел, то ли мучной туман, ползущий из какой-то щели между реальностью и постановкой.

Заиграла невнятная музыка, мотив которой не взялся бы вспомнить даже автор, закряхтел старый динамик, и из-за кулис зашипела (о боже!) дым-машина. Серый кумар, густой и мучной, стал стелиться по сцене. В этот момент вышли девушки в вечерних платьях – нарядных, с глубокими вырезами, как полночные лотосы на воде. Они исполняли что-то вроде синхронного танца, который на деле оказался хаотичным шевелением рук и локтей. Казалось, их движения рождались от страха, что дым выест глаза и проглотит ресницы.

Машина продолжала пыхтеть. Будто где-то по ту сторону уставшего агрегата безумный пекарь ворвался на хлебозавод с пылесосом – решив убраться в самый разгар тестомешания. Ни уборки, ни каравая – только мучная вакханалия, мучная вечеринка.

И тут из-за кулис выплыла полноватая фигура в балахоне, пошитом, кажется, из той же ткани, что и портьеры сцены. Очевидно, это был сам мэтр. Девицы в блестящих платьях

расступились, открывая ему путь. Он уверенно шагнул вперёд, в самый центр танца, а они, будто спасаясь от удушья, отпрянули, замахали руками, как русалки, выловленные на палубу, тщетно прося вернуть их обратно в океан юности и здравого смысла.

Мэтр откинул балахон и остался стоять неподвижно – чрезвычайно довольный собой, словно собор на фоне закатного неба. Казалось, ещё немного – и подол мантии спадёт, а предводитель займётся с девицами тем, что ему завещали Аполлон с Афродитой. Однако дым-машина с глухим чихом выдала последнее облако, музыка оборвалась, нимфы, точно ошпаренные, ускакали за занавес, размахивая руками, будто расчищая себе путь в иную реальность.

Оставшись один, мэтр неторопливо проскользил к трибуне, показавшейся из-за бутафорского облака, встал в жёлтом ручейке прожектора и принялся читать речь. Слова в ней были – даже витиеватые, но собраны словно из разных эпох, контекстов и жанров. Всё вместе напоминало шепот энциклопедии, склеенной наугад. Смысла в происходящем не было никакого, и я не возьмусь передать ни строчки.

Я уже начал клевать носом, когда внимание мое привлекло нечто необычное: слова, невнятные и беспорядочные, производят на зал странный эффект. Добрая половина слушателей – преимущественно молодых, длинноволосых, в чёрном – начинала подрагивать в такт дрожащим креслам, сдерживая порывы хохота. Было ощущение, будто иноплане-

тянин пытался выучить русский язык, но складывал слова в предложения по логике пьяного ИИ: вроде и речь, а вроде и белый шум.

Мэтр на самых серьёзных щах выдал очередной пассаж, сделал паузу, перевернул страницу с распечаткой – и тут в зале прокатывались смешки. Их спешно маскировали под кашель, шмыганье носом, нервное прочищение горла. Потому что, если один даст слабину и засмеётся в голос, вся магия мучного стендапа может развеяться.

Градус смехового давления стремительно нарастал. Кто-то кряхтел с особым вдохновением, кто-то изображал, будто подавился водой, а все понимали – он просто захлёбывается от хохота. И лишь когда в смысловых ямах снова – очень кстати – врубалась громкая музыка, и на сцену выбегали русалки, зал напряжённо выдыхал, давая себе право наконец проржаться.

«Первая добродетель, явленная еще раньше, чем "возлюби ближнего своего", – это "возлюби бороду свою". Нож для евнуха и нож для бритвы – это одно и то же. Бритьё – кастрация. Тот, кто возводит резало на бороду свою, да будет проклят и гореть в аду; а бородолюб – да возвысится».

Зря, между прочим, смеялись. Судьбу пересмеять невозможно, с учетом что наш бородофил парит над Кремлевским собором, еще не известно, кто тут над кем смеется.

Жаль, что мой бурятский хабитус оказался скуден на растительность. Но, поработав вплотную с отделом маркетинга,

я выяснил: средств для угущения волосяных посевов – превеликое множество. Спреи, мази, настойки, вибромассажёры – целый мир бородачей, втирай и веруй.

А вот ещё зацените: «Самое правильное, сакральное движение – это движение хоровода. Оно никуда нас не приводит, но и мы никуда не хотим прийти». Мысль, конечно, не нова – интерпретация колеса сансары и перерождений. Но, скажу честно, такая сакрализация внушает тревогу: мысль о конечности хоть и пугает, но унимает душевный зуд, а мысль о вечном возвращении сулит лишь вечные счета за коммуналку. Нет, этот мир покоя не даст, надежда только на загробный.

Тем временем зал продолжал свою игру. Волна смеха накатывала с каждым пассажем, словно на то и был рассчитан весь "Дугин-эффект": публика должна была из последних сил сдерживать ржание, как дети на утреннике, которым приказали не хихикать над пьяным Дедом Морозом. И все терпели, боясь, что если хоть один сорвётся, катарсис мгновенно схлопнется.

Где-то там дальше зашла речь про особый русский путь. Вероятно, с водкой, медведем и балалайкой. Мы, конечно, страна великая, но если отдраить всю патриотическую позолоту, останется то же, что везде: человек маленький, уставший, незаметный. Миллиардная доля процента, затерянная на графике социальной мобильности.

Почему-то все спорят, каким должен быть путь: запад-

ным, славянофильским, русским, демократическим – но никто не говорит, как усталому человечку туда дотопать. Будет ли он, например, путем достатка? Обещает ли путь старую «буханку» по цене Шкоды? Или БМВ седьмой серии? Ипотеку без переплат или вечное кредитное рабство? Нет, брат, с этим ты как-нибудь сам. Но пока я на своих двоих туда дойду, апельсины сгниют, елка осыпется, а Дед Мороз помрет от цирроза. К празднику поспеют не все.

Я ушёл, не дождавшись финала выступления. Пётр, будто навязчивый чат-бот, продолжал слать сообщения: «Не уходи, апогей близко!» – но дым давно рассеялся, русалки больше не выскакивали, бородофил остался на сцене один, вещая, кажется, о славянском происхождении евреев. Если в начале выступления у моего внутреннего булшитометра стрелка легла за красные значения, то в конце она уверенно уперлась в конец шкалы и так там и оставалась. Это все, конечно, весело, но, по правде говоря, слишком скучно.

Глава 7

И, себя позабыв, небожители
Заблудились в небесной обители.
(Гэсэр, Бурятский героический эпос)

Дойдя до нашего закутка на двенадцатом, я услышал, как Кэт и Андрюша снова что-то яростно обсуждают.

– …там произошли оранжевые революции. Все началось в Египте. Их, между прочим, устроили американцы. Теперь и к нам подбираются, – возбуждённо вещала Кэт.

– Какие ваши доказательства? – прищурился Андрей.

Я с удовольствием устроился в кресле, достал мысленный попкорн. Эти споры, казалось бы, давно должны были выдохнуться, оставив после себя лишь горечь автомобилиста, проложившего маршрут в навигаторе, и все равно заехавшего в тупик – но чем ещё себя развлечь в офисной яме?

– Доказательства? – Кэт загибала пальцы. – Посмотри на Сербию, Ирак, Ливию. Сколько ещё тебе нужно?

– А ничего, что сами украинцы и грузины хотели жить лучше? Ближе к демократии?

– А что, авторитаризм – это всегда плохо? Решения принимаются быстро, без волокиты.

Вот уж кто бы ожидал: Андрей, без пяти минут скуф, с одеколоном на «Берёзовых бруньках», в роли поборника де-

мократии, а Кэт в кожаных брюках и с выражением строгого фем-авангардиста – вдруг за крепкую руку.

– Быстро? – фыркнул Андрей. – Быстро тебе только дело пришьют. Молниеносно, нах.

– А если не бузишь, всё норм. Просто живешь себе…

– А я не могу не бузить, – откашлялся он. – Когда вижу всю эту фигню… Да и вообще – я не могу доверять человеку, который за двадцать пять лет ни разу сам не сходил за пивом в пятницу вечером. Не в Барвихе, а где-нибудь в Некрасовке. Мы и так живём, как в пещере, разглядывая а тени на стене. А он даже на эту стену смотрит через пулемётную щель дзота. Что хорошего он может предложить? Представь, я засел бы в сортире на двадцать пять лет, без связи с реальностью…

– О, это ты умеешь! – хохотнула Кэт, не отрываясь от монитора.

– И всё моё взаимодействие с миром происходило бы через маленькое окошко в двери. И лишь единственный с кем еще можно говорить о сокровенном в столь незавидном положении – твой золотой писсуар. Через какое-то время …

– …через какое-то время за тобой приедут из Кащенко, а мы начнём водить в твой сортир экскурсии, – завершила она.

– Вот! Даже ты понимаешь.

Кэт, чувствуя, что почва под ней подскальзывается, решила пойти в наступление и зашла с козырей – гендер.

– Вообще этот мир насквозь мужской. Женщина здесь – обслуживающая функция, аксессуар к военной драме. Наша

роль – ждать и плакать. Моя подруга-адыгейка, каждый раз когда отец в тренировочном костюме заходит в дом должна подавать ему тапки, нагретые на батарее, и держать их, пока ноги в них до конца не влезет. Просто знак почтения: мужчина не должен наклоняться. А где почтение к ней самой?

–А если он не в тренировочном костюме… – начал было Андрей, но Кэт грозно подняла палец. Она уже вступила на территорию гендера, а значит выносить оппонента из спора будут вперед ногами.

– Ты произвёл на свет этот мир? Нет. А я – да. Каждый, кто сейчас жив – рождён женщиной в муках! И как нам мир отплатил? Закрылся в сортире и раздает оттуда советы. Мужчина, биологически, не способен в женщине человека видеть. Он видит самку, трофей, косулю, с которой можно сделать селфи. А равенство? Это подачка. Хочу честную конкуренцию: слепой отбор на руководящие позиции, без пола и имени! Уберите гендер из документов и отношений!

– Свободу попугаям! – попытался прорваться Андрей. – Всё спорите, а не видите главного: мир сложен, и он никому ничего не должен. Можно сколь угодно ныть, что он не соответствует ожиданиям, но ты его не изменишь.

– Это ты сейчас про свою БСБшную тусовку? – передразнила его Кэт.– «Россия будет свободной»! Только и умеете ныть. Может, у вас просто фантазии не хватает, чтобы предложить хоть что-то. Семён, ты-то хоть рассуди!

– А мне никто не нравится, – пожал я плечами. – Я при-

езжий. В кармане – как у латыша: ни шиша. Если у нормального человека жизнь ещё как зебра – то у меня, вороная кобыла: ни одной белой полоски, сплошь чёрная.

– Кто о чём, а вшивый о бане, – подвела итог Кэт.

Тут вмешался Пётр, зажав клавишу Shift так, что из-под стола пошёл едкий, скрежещущий писк, тот самый, от которого внутри будто лопаются пузырьки воздуха. На третьем мониторе побежала строка:

«Вы тут софистику устроили, а ведь мы так и не выбрали подарок для Эндрю».

– Это мы уже дарили в прошлый раз, – буркнул Андрей.

– Ну и что? Подарим то же самое и дело с концом.

– Нет! – резко вскинулась Кэт. – В прошлый раз планка была задрана – виниловый проигрыватель, между прочим! В этот раз мы не можем её уронить.

– А зачем вообще каждый раз её поднимать? Это что, корпоративная олимпиада?

– Успокойтесь, – снова пискнул Пётр. – Это просто день рождения. Он же не уволит нас из-за подарка.

Прения разгорались. Если коротко: мнения разделились: Пётр считал, что главное – внимание, символический жест. Андрей утверждал, что все наши подношения – лилипутские игрушки для Гулливера, мол, человек живёт на Овчинниковской, особняк, прислуга, бассейн с подсветкой. Мы просто физически не в состоянии подарить ему что-то, что вызо-

вет эмоции, значит, нужно купить нечто дешёвое, но редкое. Вещь, которую трудно найти, чтобы сэкономить ему время – а значит, сделать по-настоящему полезный подарок.

Кэт, несмотря на то что весы склонялись не в её сторону, упрекала всех в нищебродстве и предлагала скинуться по десять тысяч.

– Что такое десять тысяч? – поджала губы. – Даже не треть зарплаты. У кого-то – десятая часть. И что? Зато будет эффект.

– Не думаю, что от подарка зависит наша карьера, – неуверенно протянул Андрей, кивая в сторону кабинета. – Правда?

Кэт посмотрела на него с выражением, будто он только что поставил под сомнение бессмертие души при папе Иннокентии III.

Что это было за впечатление, которого так добивалась Кэт? На какое внимание рассчитывал Пётр? И что хотел сэкономить для своего почти-тёзки Андрей?

Мысли мои преисполнились траура. Командный дух оказался весьма выборочным: никто не предложил мне поучаствовать в подарке ни словом, ни рублем. Для себя я решил: тратить ничего не буду. Тем более, что для Эндрю Ивановича я, судя по всему, существовал примерно на тех же правах, что и жирное пятно на стеклянных дверях его кабинета, которое кто-то случайно оставил в районе хромированной руч-

ки. Дарить подарок человеку, который тебе не нравится и у тебя в мыслях не значится – зачем? Просто потому, что «так принято»? Чтобы рассчитывать на благосклонность, если на грозовом небе карьеры промелькнёт просвет? Скорее уж – как обряд вассальной верности, подпись кровью в книге лояльности.

В итоге победила Кэт, и был приобретён дорогой подарок – массивная водяная боксёрская груша с человеческим торсом и головой. Назвали мы его между собой – Чёрный Джо. У Джо было лицо классического офисного клерка: такой типаж, что будто только что открыл интернет-банк, увидел размер остатка по ипотеке, провёл нехитрые вычисления в уме и осознал, сколько ещё лет ему предстоит наминать офисный стул, подавляя отчаяние. Предполагалось, что Эндрю будет вымещать на Джо накопленный стресс, в минуты особого и социального напряжения.

В назначенный час празднования вся труппа собралась в опен-спейсе: кто-то даже нацепил на голову Джо шапочку из цветного картона, отчего тот казалось еще больше озлобился; кто-то держал в руке хлопушку, изображая готовность ко всеобщему веселью. Эндрю, разумеется, не пришёл но наш офис-менеджер – женщина крайне пунктуальная заказала пиццу и колу ровно к восемнадцати нуль-нуль. Пицца была из БО-БО, и, надо сказать, вполне себе, хотя натурального в ней только бумажная коробка, – но раз уж она здесь, уже оплачена и пар идёт – грех отказываться. Тем более если

есть повод.

Стоит ли упоминать, что никто – *никто!* – так и не видел, чтобы Эндрю хоть раз прикоснулся к Джо. Ни взгляда, ни дежурного удара. Хотя, казалось бы, идеальный объект для сублимации управленческой агрессии, для утилизации выброса адреналина в моменты острых приступов филантропии. Но, в конце концов, зачем бить по резине, если у тебя есть живой коллектив – с глазами, ушами и нервной системой, – терпеливый, сговорчивый и, главное, с контрактом. Зачем секс-кукла, если можно использовать людей?

А что служба? Дни проходили уныло и рассказывать про неё, по правде, особо нечего. После всех возвышенных речей, после вагонеток, Аристотелей и Сенек, после алко-истязаний бурятского тела, я вдруг оказался перед лицом безжалостной реальности, поймав себя на том, что составляю маркетинговый отчёт о том, какие товары можно предложить пассажирам в поездах дальнего следования. Кажется, не за этим меня приглашали в конференц-зал на Охотном ряду. Не об этих свершениях пророчествовал Гегемон в своих улигерах, не для того подавлял злопыхателей своей воли. Не за этим он, оседлав бурю прогресса, распахивал перед нами врата новой этики.

И вот я сижу, смотрю в таблицу. Всё вокруг возвращает к изречению того самого HR, что повёл нас однажды по этажам: все не только засрано, но и просрано. Причём с размахом и энтузиазмом. Нам теперь продают даже изображение

нас самих. Потому что мы больше не знаем, кто мы такие и чего хотим.

Консюмеризм диктует не только выбор, но и контекст. Он формирует тебе облик: красавица Еврипида или борцун Жанна, Капитан Америка или странноватый, но обаятельный Дон Кихот, а может, просто беззаботный кот, бороздящий альпийские просторы, щекоча пушистый живот о свежую зелень.

Ты сам выбираешь себе образ. Сам себе сценарист, режиссёр и кастинг-директор. Ты есть то, что ты покупаешь. И сам, между прочим, предмет купли-продажи. Ведь в конце концов важна лишь цифра на счёте. Цифра как новая сущность бытия. Эфемерная, как мираж, но способная устроить тебе всё: от лофта до панихиды. Нового тут не прибавишь – структуралисты уже всё сказали. Кризис идеи, – спросит дорогой ИИ – потеря базовых человеческих прав? А я скажу, хара онгон мне под спину, что готов отстаивать хотя бы свои потребительские права! Потому что если и их еще отнять, что нам останется? Что останется от человека, если у него отобрать право хотеть конкретное – пусть даже и идиотское?

А хотим мы всё то же, что и сто лет назад, только в новой обёртке: средства для роста волос, увеличения причиндал (как будто именно длина решает, кто кого), стиральный порошок «Хозяйкина радость» – без фосфатов, но с обещанием счастья. А то и такое: «Пушкин, выпив простокваши, ущипнул мадам за… и та прозрела!» – перейдите по ссылке,

чтобы узнать подробности.

«Негатив! Сплошной негатив!» – возразит дорогой ИИ. Но чем он плох? Это просто способ выразить мысли. Негатив – это, по крайней мере, конкретика. А позитив нынче какой-то весь стерильный, как маркетинговая рассылка – улыбайтесь, потребляйте, дышите ровно. По мне – уж лучше честная мизантропия, чем бесформенный оптимизм.

Вот скажу я, к примеру: «мне нравится петь, танцевать, мороженое, путешествия, еда и Netflix». И что ты, дорогой ИИ, обо мне поймёшь? Да ровным счётом ничего. Это как читать анкету на сайте знакомств, где у каждого третьего – те же формулировки. А потом выясняется, что мороженое мне подавай строго шоколадное, танцевать фокстрот я не умею, а на Netflix у меня в избранном только «Друзья» – сезон седьмой, эпизод третий.

А вот если я скажу «ненавижу собак»; или «терпеть не могу делать презентации»; или «работа ради видимости – издевательство над интеллектом». Вот тут ты уже обо мне что-то знаешь. Есть конкретика, есть за что зацепиться, найден базис для определения общего блага. Честность негативна, но она обнажает. А позитив – всё больше как баннер с черным прямоугольником на том месте, где должно быть долгожданное соитие: фигура геометрически верная, но ничего не видно.

Радость, грусть – ни хорошие и ни плохие, они просто случаются. Радость на похоронах, грусть на свадьбе – уместны

обе. Поэтому давайте уже честно, как в том расхожем вопросе: «Вам честно или прилично?».

Если бы тогда, лет пять назад, в универе, мне кто-то сказал, что я буду рисовать презентации и придумывать слоганы для тура по России в плацкартном вагоне… я бы выбрал другую профессию. Точнее, выбрал бы что угодно, только не это. Что-то, от чего хотя бы не будет так тошнить.

«Вся Россия в плацкарте за 15 дней!» – звучит как угроза, а не реклама. Пятнадцать дней бок о бок с незнакомцами и их дошираками. Выживешь – будет что вспомнить. Рискнёшь?

Или вот ещё перл из наших креативов: «Курсы машинистов. Хотел управлять поездом? Тогда стань тем, кто понимает, почему поезд задерживается!» Романтика, мать её. Гегемон бы гордился.

А всё то, что мы учили в университете, теперь кажется не просто далёким, а из другого измерения. Зачем всё это было? В школе одно, в универе другое, на работе третье. Что за горки американские? Кругом обман, Карл! (Кстати, почему американские горки называются американскими, а не нашими, русскими? Где патриотизм?) Это, знаешь, как-то непоследовательно.

Нас приучают быть хорошими членами общества, строевыми единицами – «адептами гармоничного потребления». Посмотри, как хорошо несутся эти машины в пятницу вечером, будто боясь опоздать на собственные выходные. А в по-

недельник утром все ползут. Потому что нужно опять – туда. В клоаку. На созидание. И организм неосознанно оттягивает этот момент, в безмолвном стоне, бьющемся о стенки закрытого напряженного рта, с которого мечтает сорваться лишь один возглас – «спасите».

Глава 8

Входит гость во дворец расписной,
А навстречу – Сэгэн-Собдэг
С благородной своей женой,
И приветствуют гостя учтиво,
С уваженьем и красноречиво.

В очередной никчёмный понедельник, спустя примерно два месяца с момента моей высокой миссии по внедрению этической логики в ИИ, мне пришла, как бы вскользь, разнарядка из маркетинга: помочь сформировать таргет-компанию для желающих отправиться на СВО. Ну, не совсем желающих – скорее, тех, кто страстно мечтает оказаться на передовой, просто пока об этом не догадывается.

Задача, мягко говоря, не тянет на философские вершины, этическим инжинирингом от неё разве что павanивало – и то если уронить её в чан с Кантовскими категорическими императивами. Зато в резюме будет смотреться отменно: разработал и внедрил маркетинговую стратегию в сотрудничестве с МЖАД и Мин обороны. Уж поверьте, продакт-аналитики на рынке всегда в цене. Продуктовый аналитик – кто это, скажет ИИ, очередной замусоленный клерк? Ну что ты, мой хороший, забыл? Мы здесь никого не осуждаем. Аналитик, между прочим, всю работу тащит: стратегию – раз, ре-

ализацию – два, контроль исполнения – три. Думаешь, это какой-то большой дядя в пиджаке спускает нам скрижали по трубам? Как бы не так. Это студентик-бурят замызганный, мать-одиночка с курсами Excel за плечами, старлетка, победившая онкологию и решившая снова взять жизнь в свои руки – они придумывают. А чем выше ты в корпоративной иерархии, тем меньше от тебя требуется. Сверху не думают, там руководят.

Взялся я за дело крепко, как за поручень в утреннем метро. Перво-наперво нужно определить целевую аудиторию. Берём пассажирские данные МЖАД и фильтруем: мужчины от 18 до 50, плацкарт, преимущественно ночные рейсы, отказ от постельного белья – то есть люди в состоянии, близком к экономическому коллапсу. Боковушка у туалета? Отлично! Платил наличкой? Супер! Карты, значит, нет. А карты нет, потому что тебе, дружочек, её не дают. Просрочка по кредиту? Судимость? Ну, хоть административка? Ба, голубчик ты мой! Долги по алиментам, неоплаченные медсчета, пособия по безработице – добро пожаловать, новая жизнь уже стучится в твою дверь кирзовым сапогом военкома! Мы не судим, мы даем шанс, а ты уже сам смотри, мужик ты или ссыкло. На себя пеняй, у нас тут свобода, а не какая-нибудь диктатура! Ещё можно прогнать по бюро кредитных историй. Кредит на заказ суши? Цель займа – отпуск? «Ты мой Бог, пусть все об этом знают, ты Бог!» Слушай, есть вариант отдохнуть бесплатно: Курская коса – все включено, в сопро-

вождении оперы в двух частях: «Ты что не мужик?» и «Я что зря помирал?» Первая часть торжественно звучит в день начала тура, вторая – уже по возвращению (иногда). Питание, одежда, (~~выживанье~~) проживанье – берешь? Ну деньги то ты точно берешь!

Так, с аудиторией плюс-минус разобрались. Теперь пройдемся по метрикам. ROI – возврат на инвестиции. Тут всё просто: инвестиции государственные, государство и будет оценивать, окупилось ли. Им виднее. CPA – стоимость привлечения одного клиента. В нашем случае – копейки: наружная реклама, e-mail, бумажные письма. Если подключим колл-центр – подорожает, но несущественно.

Воронка продаж стандартная: первый контакт – размышление – подписание контракта. Метрика – время между первым касанием и подписанием. Над ней и работаем. Чтобы улучшить метрику, на этапе размышления предлагаем целевой аудитории бесплатный микрокредит, под сто двадцать пять годовых. Либо делам ставку на тех, что любят ставить на спорт – контрольный обзвон когорты после игры Торпедо с Динамо.

Retention Rate – коэффициент удержания, а Churn rate – отток, метрика, которая показывает сколько клиентов потеряла компания за определенный период. CBO – штука такая, откуда возвращаются редко. Так что churn у нас специфический. В обычной модели с оттоком еще можно поработать, например, послав пуш-уведомление, «мы по вам скучаем»,

но на фронт пуш не отправишь. Оттекают ребята на совсем, в прекрасное далеко. А туда мы еще таргетировать не научились (но все впереди).

Уже три недели я пытаюсь презентовать эту концепию в маркетинге. Сами просили, теперь сами игнорят. Решил пойти посмотреть этим людям в глаза. У лифта столкнулся с Эндрю.

Почему-то мне всегда очень неловко в его присутствии. Иногда он отвечает на приветствие – если настроение хорошее или очередной акт вуайеризма замышляет, – а иной раз проходит мимо тяжёлым шагом, чтобы потом долго курить и метаться за стеклянной стенкой своего кабинета. Сегодня начальник был расположен.

– Привет, Семён. Как тебе у нас?

– Нормально. Маркетинг все встречи отклонил, не нравятся мне эти идиоты.

– Ну, других дураков у меня для тебя нет.

– А ты как?

– Да вот, никак не могу уровень пройти.

Я не знал ни одной мобильной игры. Так что поддержать беседу мог с трудом.

Бывает так, что на работе тебе не повезло с задачами. Бывает – с коллегами. Бывает – с начальством. А в МЖАД ты получаешь три из трёх. Возможно, это тот редкий, почти мистический случай, когда ты, весь тревожно-невротичный, дрожишь, сопротивляешься, но приходишь к невозможно-

му, крамольному выводу: проблема не в тебе.

Обычно менеджеру платят за мотивацию. Кто-то ведь должен излучать радость в этом подземелье, торчащем наружу. Тебе понятно, что вся эта организация давно уже не про людей, ей всё равно – лишь бы кешфлоу шёл. Но хоть кто-то должен быть, хоть один человек в этой системе, кто служит смазкой, чтобы квартальные KPI в тебя входили мягко, без скрипа и крови.

И Эндрю, надо признать, со своей задачей справлялся. Несмотря на то, как тяжело играть во все эти игры: вон лоб испариной покрылся, видно, сливаются на групповом рейде, а ведь наверняка куча донатов ушла на снарягу и статы. Всё зря. Победа, как выясняется, не даётся за донаты.

– Зайди ко мне вечером, – проронил он на бегу, всё ещё добивая какого-то рейд-босса, и выпорхнул из лифта.

Конечно, сегодня вечером. Что может быть проще? В календаре у босса ни одного свободного слота, но всё равно пришлось прислать ему на 18:00 короткую встречу – письмецо надежды. Ничего хорошего я не ждал. Скорее всего, меня уволят. Испытательный срок почти подошёл к концу, а мои подделки для отдела маркетинга, похоже, шли прямиком в папку «спам».

Так что, когда я сам спустился в отдел рекламы на седьмой, всё сразу встало на свои места. Постояв над душой у нескольких тёток, которые даже не удостоили меня ответом на моё «добрый день», я вдруг подумал – может, они, как

Пётр, тоже глухие? Эх, пристанище убогих… Впрочем, такое откровенное пренебрежение даже лучше, чем снисходительные, надменные улыбки. И как сказал наш Андрюша: Мир такой, какой он есть, нравится он нам или нет.

Какая-то девочка догнала меня у кухни, когда я уже собирался выйти к лифтам. Рыжая, страшно худенькая, ручки тонкие, как будто вот-вот сломаются под тяжестью открываемой офисной двери. Дёрнув створку всем телом, она жестом указала на столик у глухой стены и заварила мне чай с ромашкой. Очень мило. Сказала, чтобы я ничего не принимал на свой счёт. Оказалось, у их главного из маркетинга с Эндрю какой-то затяжной конфликт, и теперь наработки айтишников им использовать запретили. Хотя, ирония в том, что они сами и запросили нашу помощь – с анализом аудитории и поиском инсайтов. Но, очевидно, не по своей воле. Кто-то ещё выше там, в светлом царстве начальников, решил наладить межкомандное взаимодействие – для получения, не побоюсь этого слова, синергетического эффекта.

Так что вся эта история – не плод разумного расчёта, а нежеланный ребёнок вертикального спаривания: айти-отдел должен собрать какую-то аналитику на основе данных, а они, маркетинг, потом должны из этого слепить прорывную кампанию. Фак, йе!

– Ага, – говорю, – синергия у вас тут фонтаном бьёт, как при пищевом отравлении.

Воспринимать на свой счет подобное пренебрежение – по-

следнее дело. Однако, внутри уже пригорело. Как будто кто-то забыл на сковородке хлеб, и теперь там блестящий черный ломоть, пахнущий жжёной кашей. Едва ли ромашковый чай способен стереть этот угольный нагар со старой душевной сковородки.

Я отшутился, мол, по большому счёту – без разницы, впарим мы пассажиру пирожок с вишней, лапшу быстрого приготовления или контракт на СВО. Купит он всё равно пиво или коньяк, а они в рекламе не нуждаются. Она посмеялась и призналась, что мои идеи всё же используются – пусть и не напрямую, просто официальную обратную связь они дать не могут, да и на встречи ходить тоже запрещено. Такая вот игра в молчанку.

Интересно выходит! Наверху что-то не поделили. Один начальник на встречу не позвал другого. Или позвал, а другой не пришёл. Или в пресс-релизе внутреннем какашками отстрелялся. Кто-то кому-то руки не подал. Или подал, а другой демонстративно не пожал. В общем, детский сад, ясельная группа, секция руководителей высокого уровня.

И вот они, эти обиженки в галстуках, сидят наверху, дуются друг на друга, как два пуделя на выставке, не поделивших пакет с кормом, а хлебать всё это варево придётся нам, внизу. Спасибо, благодарю! Но знаешь, что утешает? В бизнесе такие долго не задерживаются. Два убыточных года – и поехал в алюминиевом тазу с корпоративной лестницей. Хорошо, что хоть в политике у нас все иначе!

Вернувшись, я решил стоически дождаться Эндрю у его стеклянной пещеры. Уволят – так уволят. Придётся снова начинать с нуля, ходить по собеседованиям, лебезить, изображать идеальную версию себя. Нет, даже не себя – а гипотетического работника: бодрого, жизнерадостного, всегда на страже труда, чуткого, отзывчивого, душу компании, готового с пониманием встретить и просьбы о переработках, и «эти дни» у начальства. В конце концов, на них столько ответственности – сплошной стресс, как же тут не посочувствовать.

А настоящий «ты» никому не нужен. Да и сам себе ты не особенно нужен: с этими своими экзистенциальными вопросами без ответа, с вялотекущим бессилием, вязкой прокрастинацией и внутренним нытьём, размазанным по пятидневке, ты, которому стыдно даже за собственную усталость…

Психолог, к примеру, говорит: «Нужно прислушиваться к себе». Я прислушался и понял: я устал. Всё свободное время уходит на то, чтобы прийти в себя после работы и попытаться забыть очередной день полный смысла. Конечно, восстановление от работы может происходить и на самой работе – просто сидеть и пердеть в кресло, какое-то время, – но на такое нужно мужество. А кругом одни шептуны. А кто боится хорошенько так, по-человечески пукнуть, тот, скорее всего, остального тоже опасается.

Недавно, пока я ждал своей очереди у психолога, из кабинета вышел Пётр. Подумалось: а он тоже, что ли, с психоло-

гом по чату общается? Но экрана на нём не обнаружилось. Он, увидев меня, осторожно потянулся к моему плечу, сжал его по-отечески, постоял с полминуты молча, глядя в пол, будто мои глаза были где-то внизу, у ног. А потом – будто набравшись смелости – заглянул мне в лицо. Настал тот самый момент, когда слов не нужно. Всё и так ясно. Сколько ещё коллег болтается тут от приёма к приёму, просто чтобы продержаться на плоту реальности ещё денёк-другой?

С психологами вообще отдельная история. Один раз пришёл я к мозгоправке, а она мне:

– С чем пришли?

– Что-то не так с моей жизнью, – говорю.

– Да неужели! А что именно?

– Не знаю. Ты скажи.

Я ж денег отвалил не за то, чтобы самому голову ломать, а чтобы мне специалист сказал: так мол и так, сюда ходи, а сюда – не ходи. Две «Аве Марии» и пять «Отче наш» – и живи, как нормальный человек.

– Хорошо, – говорит, – давай попробуем метод ассоциаций. Возьми какую-нибудь сказку.

– Какую ещё сказку?

– Ну, сам скажи. Любую.

Вот тут я конкретно засомневался. Понятно ещё – если бы

мне платили за то, что я душу выворачиваю. А так получается: сам отдай денег, сам себя распни, да ещё и не дома уютно, за бокалом шардоне, а прилюдно, в кабинете под флуоресцентным светом, на кожаном кресле, где до тебя кто-то рыдал.

Глубоко порочная практика, я вам скажу. Но раз уж пришёл – попробовал. Думал-думал и говорю: «Емеля на печи». Коротко расскажу сюжет. Внимание, спойлеры!

Жил-был на свете простой деревенский парень – Емеля. Не человек, а амёба в валенках, всю жизнь мечтавшая слиться с горизонталью надёжно и окончательно. Его вселенная ограничивалась двумя вещами: печкой – как последним прибежищем от холода и смысла, и той великой российской тоской, что по утрам просыпается раньше, чем солнце.

И вот однажды выпал ему квест локал-левела: мать послала воды натаскать. Емеля подумал: «А зачем вода, если есть лайфхак растопить снег? » – но за ведро схватился, пошёл, ковыляя по сугробам. На проруби – ожидаемый треш: лёд, хариусы замёрзли на полуслове, а щука, подлая, не замёрзла. Попалась ему в ведро. Щука это – не просто рыба, а тайный NPC – натуральное откровение. Рыбий Мефистофель с влажным блеском в глазу.

Щука, сука, заговорила – как матёрый кадровик на тренинге. Мол, отпусти меня, Емеля, а я тебе оформлю life-time subscription на халявную реальность. Всё, что скажешь, – по велению щучьему сразу в добавляется в жизненную корзину.

Наконец честная сделка – без KPI и квартальных отчётов!

Емеля выполнил условия договора: отпустил рыбью фею обратно в её мутное небытие, и жизнь его взметнулась вверх, как ядро с катапульты. Дрова кололись на изяне, вода сама в ведро плескалась, а ведро летело следом. Доход пошёл пассивный, а жизнь – активная. Печь, олдовый электросамокат, возила Емелю по селу как топ-блогера по ленте рекомендаций. Соседи пили с зависти.

Царь, завидев печного революционера, выпал в осадок— и дочь туда же. Дочка, впрочем, нашла в Емеле нужный вайб, сродни старому дивану, который всегда мягкий и безотказный. Вышла за него, потеряв голову. И лежал Емеля, лицом в потолок, думая: вот оно, счастье. Без усилий, без суеты, без мерзких понедельников. Слово сказал – и вселенная, как послушная борзая, побежала исполнять. А щука где-то там, в темной воде, молчала.

– И кто ты в этой сказке? – спрашивает мозгоправка, наклоняя голову, будто гипнотизируя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.